

ЭНДЖИ ЭФЕНДИ

ВЕТЕР В СЕРДЦЕ

ДУЭНДЕ

18+

Энджи Эфенди
Ветер в сердце

«Автор»

2021

Эфенди Э.

Ветер в сердце / Э. Эфенди — «Автор», 2021

Шестнадцатилетняя Хулия, которая проводит год вдали от Мадрида, внезапно оказывается внутри загадочной книги "Рассказы без конца". Она отгадывает те детективные загадки, которые в самой книге остались нерешёнными, но волшебное приключение становится более опасным, когда она узнаёт, что сам цикл неоконченных рассказов является тюрьмой для их автора, а также возник из-за преступления, произошедшего много лет назад. Вместе с проходящим сквозь миры парнем по имени Лукас Хулия начинает расследование и в реальном мире, сталкиваясь с войной тайных обществ. Первая книга из трилогии "Дуэнде".

© Эфенди Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ПЕРВАЯ ГЛАВА	5
ВТОРАЯ ГЛАВА	14
ТРЕТЬЯ ГЛАВА	20
ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	26
ПЯТАЯ ГЛАВА	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Энджи Эфенди

Ветер в сердце

ПЕРВАЯ ГЛАВА

– Кто замуж выходит за ветер?
– Госпожа всех желаний на свете.
Федерико Гарсия Лорка «Школа»

– Вот оно!

Дядюшка Ансельмо водрузил машину на стол с таким непередаваемым почтением, что Хулия предпочла издать впечатлённое "О!". Высказаться информативней она не решилась. Быть может, скажешь "оно такое красивое" или "оно такое внушительное" и вызовешь взрыв негодования дяди, который уверен, что единственное назначение аппарата – это производить впечатление "изящного". Изящным механизм не выглядел. Он гудел и подмигивал синими лампочками, свет которых отражался от его хромированных боков. Служить он мог для чего угодно – от выработки плутония в домашних условиях до автоматической колки орехов.

– Смотри! Вот это моя любимая книга!

Дядюшка помахал в воздухе каким-то настолько зачитанным томом, что в звании "любимый" сомневаться не приходилось. Тётя Клара глубоко вздохнула и Хулии осталась только предполагать, сколько раз на дню она становится свидетельницей схожих сцен. На всякий случай выражение лица Хулия сохранила самое серьёзное – самое лучшее в такой ситуации, всегда потом можно сказать, что именно ожидаемую эмоцию это выражение лица и значило. Тем более, что дядя Ансельмо начал вырывать страницы из своей любимой книги. Оставалось только предполагать, что же он делает с теми, которые не входят в число его фаворитов.

– Вот эти страницы мы кладём на аппарат! Ты только посмотри, Хулия, что сейчас произойдёт!

Аппарат заработал громче, впрочем, не факт, что этому способствовали страницы, механизм явно считал, что главная его задача – нагнетать напряжение всё увеличивающимся гудением. Огоньки забегали по корпусу быстрее, в комнате заметно потемнело (видимо, скакнуло напряжение в сети, но впечатление при всём том создавалось вполне готическое). Хулия продолжала сидеть с каменным лицом, прикидывая, что раз тётя Клара не звонит в психиатрическую клинику, ничего ЧЕРЕСЧУР странного не происходит. Аппарат взвыл особенно громко, а потом обороты начали стихать, казалось, что механизм отдувается после долгой и эффективно проделанной работы. Дядя Ансельмо схватил страницы.

– Вот!

Для наглядности он помахал ими в воздухе прежде, чем погрузиться в чтение. По тому, как хмурился дядя, Хулия предположила, что результат, каким бы он ни должен был быть, не достигнут. В подтверждение дядя бросил страницы обратно на аппарат, громко вскричал "О, нет!" и выбежал из комнаты (на памяти Хулии это был первый раз в её жизни, когда кричали именно «о, нет», да ещё и столь драматическим образом). Одним словом, чем бы ни было происходящее, из этого получился интересный спектакль. Немного с элементами абсурда и символизма, но, в целом, занимательный. Хулия облизнула губы и попыталась решить, если она сейчас скажет, что пойдёт к себе в комнату, не будет ли это выглядеть, как запланированное жестокое издевательство. Но тут тётя Клара пришла ей на помощь:

– Не обращай внимания на Ансельмо. Он как ребёнок. Вечно возится со своими штуковинами. Что-то работает, что-то нет. Попереживает и забудет через пару недель. Уж извини,

что в твой первый день приезда он побежал знакомить тебя со своими механизмами, но он так ждал именно появления племянницы. Я-то давно привыкла посмеиваться над тем, чем он занимается, и он надеялся на новых зрителей. Не беспокойся, можешь пойти в гостиную, там журналы, книги, телевизор. Я пока пойду успокою его.

Журналы, книги и телевизор – вовсе не главные развлечения для современной шестнадцатилетней девушки, но про то, что вай-фай ловится во всём доме Хулию предупредили едва ли не в первые десять минут по приезде. Дядя и тётя так пытались скрасить своей племяннице тот год, что ей предстояло прожить у них, что тётя Клара даже составила список всех молодёжных развлечений (от кинотеатров до дискотек), которые можно найти в их районе. Мало того, целый год, пока её родители в отъезде, Хулии не предстоит ходить в школу, правда, экзамены в конце года всё равно придётся сдать, но это уже такие мелочи.

На вокзале, несмотря на то, что мама постоянно посылала дяде Ансельмо и тёте Кларе (строго говоря, он был дядей папы, а не самой Хулии) фото подрастающей дочери, у пожилых родственников всё равно было недоумённое выражение лица. Последний раз они видели Хулию четыре года назад, когда приезжали в гости и дядя Ансельмо подарил племяшке штук двадцать "перманентных прыгунов" – мячики, которые отскакивали от стен практически вечно, при этом они как-то распознавали органическую ткань и огибали её. Хулии так понравилось стоять в комнате с прыгающими мячиками, без всякой опасности получить этим мячом куда-нибудь в чувствительное место, что она запустила их сразу все. Вечером маме пришлось вылавливать каждый, чтобы остановить. На следующее утро вновь запущенные мячики прыгали всё так же бодро, но к вечеру сами собой начали выдыхаться – надолго прилипать к стене прежде, чем отскочить от неё. К утру следующего дня все мячики превратились в неароматные комки слизи.

В гостиной с телевизором Хулия просидела около получаса, заглушив звук в достаточной степени приличия, чтобы можно было считать, будто она занята мельканием передачи не меньше, чем экраном телефона. Со своим новым изобретением дядя Ансельмо начал знакомить прямо после торжественного ужина, который закатали сразу по приезде с вокзала. Наверное, дядя был уверен в успехе, а потому планировал последующий вечер соответствующим образом, но тётя Клара была явно более реалистична, а потому стоило ожидать, что на вечер расписаны разнообразные планы развлечений, чтобы порадовать "малышку-племяшку". За короткий срок пребывания в гостях Хулия пришла к выводу, что пары без детей восполняют этот пробел тем, что сами остаются детьми. И планирование развлечений на каждый день для единственного появившегося у них ребёнка, им самим доставляет массу удовольствия. И подвести их для Хулии бы значило обмануть доверие кого-то невинного и не ожидающего подвоха.

Полчаса Хулия сочла достаточным временем, чтобы тётя Клара успокоила дядю Ансельмо после неудачи и решила поискать тётю, а заодно тихонько отрегулировать составленный график удовольствий с более реалистичным. В коридоре было темно и Хулия сразу определила, что если даже уговоры тётки Клары и подействовали, то оказались недостаточными. Дверь в кабинет дяди была открыта и было видно, как дядя лежит головой на письменном столе. Хулия робко постучалась:

– Дядя?

Дядя Ансельмо поднял голову. Он не плакал, просто быстро моргал.

– Но почему, если нейтроны первой группы продолжали ускоряться с андронной скоростью, модель не подействовала?

Хулия подавила желание пожать плечами. Если вступить в подобный разговор, дядя может счесть, что Хулия хоть на полмиллиметра понимает, о чём речь.

– Дядя, а что бы сделал аппарат, если бы работал правильно?

Дядя несколько раз моргнул в её сторону.

– Надеюсь, ты слышала про Валерио Антонио Санчеса? Это главный писатель нашей культуры!

Такая резкая смена темы разговора могла свидетельствовать о нелинейной логике. Или о приступе агрессивного безумия. Хулия решила сделать ставку на первый вариант. И понадеялась на свои успехи в беге, если второй вариант окажется более приближённым к истине.

– Ну, что-то вроде...

На самом деле Хулия впервые слышала это имя, но её робкое полусогласие дядя воспринял как безоговорочную просьбу рассказать больше. Он схватил со стола замусоленную книгу. Любой, кто был свидетелем спектакля в столовой, опознал бы дядину "любимую книгу", несколько листов из которой продолжали мирно лежать на аппарате.

– Валерио был величайшим мыслителем своего времени! Он был комиссаром жандармерии!

Дядя взял паузу, чтобы подчеркнуть значимость произнесённого, Хулия сделала мысленно несколько пометок в полученных в школе знаниях о жандармерии, решив, что сведения от дяди пойдут в разделе "Примечания".

– Валерио написал вот эту книгу, всего одну. Она называется "Рассказы без конца". Каждый этот рассказ обрывается на самом интересном месте, разгадок не существует. А ведь это всё – детективные рассказы. Многие исследователи думали, что все эти рассказы – из реальных дел, которые расследовал Валерио. Но на самом деле никто не смог найти точных аналогов. И если бы аппарат работал как надо, я бы смог докончить каждый из них!

В это время из коридора мимо Хулии прошла тётя Клара с подносом, на котором стоял дымящийся чайник и красная кружка с мультяшным мышонком Пересом, кажется, в отличие от уговоров, это было более действенное средство, потому что при виде чая, дядя расцвёл в улыбке.

– А чем бы мог помочь аппарат, дядя?

– Представь себе, Хулия, что механизм мог бы проникнуть в фантазию Валерио. И если бы всё сработало, на этих страницах появилась бы концовка моего самого любимого рассказа.

Дядя Ансельмо вздохнул. Кажется, даже чай перестал оказывать своё целительное воздействие. Дядю надо было отвлечь. Или дать выговориться. Второе было предпочтительнее, так как помогало удовлетворить собственное любопытство.

– А что за рассказ, дядя?

– Стоит ли такие ужасы на ночь? – вмешалась тётя Клара, которая в это время подливала дяде ещё ароматного чая.

Дядя с племянницей ответили в один голос:

– Ничего страшного.

И дядя начал рассказ.

– Эта новелла называется "Водяной". В деревушке Манельяс в 27-м году жил некий молодой парнишка Паскуале. Было Паскуале лет двадцать, но он был худой и тонкий, словно ребёнок. Он был неприятный мальчик, воришка и врун. Ещё и бездельник. Потому, когда он стал рассказывать в таверне, что видел водяного, никто ему не верил, поднимали на смех, хотя кто-то всё же угощал его стаканчиком. И никто бы не обратил на это внимания, если бы Паскуале не пропал на следующий день. Паскуале стали искать и даже попытались порыскать на дне озера, в котором, как он говорил, видел водяного. Но озеро так заросло ряской, что и не скажешь был ли кто на глубине или нет. Вдруг один из ищущих, шестнадцатилетний парень по имени Эстебан, заорал, что что-то видел в воде. Поисковый отряд проверил всё на том месте, где указал Эстебан, однако, как и было сказано, ничего не нашёл. А на обратном пути над Эстебаном стал потешаться его младший брат, пятнадцатилетний Мигель. Следует заметить, что до того момента братья были очень дружны, они жили на ферме, близ деревушки, кроме них на ферме

был только их отец Хорхе, который славился своими вспышками ярости, мальчишки часто ходили в синяках. Это их противостояние общему врагу, крайне их сблизило, потому в отряде сильно удивлялись, что же нашло на Мигеля. Эстебан угрюмо огрызнулся и вдруг взорвался, сказав, что да, если даже в озере есть водяной, он его изловит, потому что пойдёт этой ночью на озеро. Кто-то из деревенских приятелей составил ему компанию в этом ночном походе, но на самом озере они трусили и Эстебан пошёл один. Раздался крик, и перепуганные деревенские парни увидели Эстебана, бегущего к ним. Он рассказал, что видел утопленника Паскуале, а за ним стояла сине-зелёная нечеловеческая фигура, с которой стекала вода.

На следующий день Эстебан стал героем дня, уже ему наливали в таверне, чтобы он снова пересказал историю. К вечеру к таверне подошёл Мигель со своими друзьями. Тон задавал Мигель. Он не только обвинил Эстебана во вранье, но и стал прилюдно раскрывать его тайны и насмеяться над ним. Смолкший Эстебан долго терпел это издевательство. Многие деревенские пытались успокоить разбушевавшихся подростков, но потом все сходились во мнении, что Мигель будто сошёл с ума. Когда Мигель назвал имя девушки, в которую был влюблён Эстебан, и поиздевался над ней, старший брат не выдержал. Он налетел на Мигеля и стал его колотить. В какой-то момент деревенским стало не до шуток, Мигель упал, защищая голову, а Эстебан принялся пинать его. Испугавшись за жизнь мальчишки, местные оттащили разбушевавшегося старшего брата. Мигель вытер кровь с разбитой губы и пообещал, что в эту ночь он сам пойдёт на озеро. Его пошли провожать уже многие и многие. Но в какой-то момент Мигель сказал ждать им на том же месте, а сам отправился в темноту. Вдруг с озера раздался крик, но Мигель не вернулся. Несмотря на страх, около получаса местные искали Мигеля, но так и не нашли.

Его нашли наутро. Наполовину утопленное тело лежало в камышах. Он был так страшно избит, что его узнали исключительно по одежде. Судя по всему, мальчишку сбросили с утёса, надеясь, что тело утонет, но убийца не рассчитал и тело осталось в камышах. Арестовали Эстебана. Он отрицал, что убил брата, но так и не смог объяснить, где был, когда пропал брат. Его отец Хорхе утверждал, что в ту ночь не спал и обоих сыновей дома не было.

Эстебан сидел в тюрьме уже почти неделю, как водяной стал являться его отцу. Сперва Хорхе не признавался, но потом в таверне проговорился, что каждую ночь он видит потустороннее создание. Несколько его друзей напросились ночевать. Они не спали: выпивали и играли в карты. И тут увидели, как застыл Хорхе. Обернулись к окну и увидели чьё-то лицо, покрытое водорослями. Они кинулись наружу, но никого не обнаружили. Все гости (а их было пятеро) клялись, что никто не смог бы убежать так быстро на открытой местности, чтобы они его не заметили. Когда все вернулись в дом, Хорхе был бледный как полотно.

На следующую ночь Хорхе предложили переночевать в чужом доме, лишь бы не возвращаться на проклятую ферму. Но наутро выяснилось, что Хорхе нет в отведённой для него комнате. Он повесился в сарае, а в его кармане нашли записку "Я – убийца". Снова допросили Эстебана и он сказал, что отец крайне плохо относился к разговорам о водяном. Мигель, на которого что-то нашло в ту ночь, стал и вечером похвастаться, что найдёт водяного, тогда отец сильно ударил его и снова начал буйствовать, как это часто бывало принято в их доме. Эстебан сбежал и прятался всю ночь. Наутро, когда нашли тело Мигеля, Эстебан не решился рассказать про отца, боясь, что тогда отец убьёт и его. Так Эстебана освободили.

– А водяной?

Хулия сама не заметила, как сидит в кресле, обхватив колени.

– Так и не нашли. Даже если кто-то притворялся этим водяным, зачем он являлся подряд всем членам семьи? Как он мог прятаться на открытой местности? Почему так странно вёл себя Мигель?

– А это не могла быть мистическая история? То есть с настоящим водяным?

– Теперь мы не узнаем.

Дядя Ансельмо глубоко вздохнул. Кажется, он стал успокаиваться, однако всё ещё сожалел о том, что финала любимой истории не существует.

– По-моему, мы уже утомили Хулию, – вмешалась тётя Клара. – Милая, если хочешь, можешь пойти выспаться. Или ещё посмотреть телевизор, как пожелаешь. Ты здесь дома.

Хулия предпочла выспаться. Ну, или просто пойти в отведённую ей комнату и посидеть в сети с ноутбука. Например, поискать сведения про этого таинственного писателя. Вспомнить бы ещё его имя.

Как и было сказано, коридор был тёмным. Потому яркие всполохи из столовой притягивали к себе, как свечка притягивает мотылька или как коротящая розетка притягивает к себе всех членов семьи, пока кто-нибудь не сообразит, что стоит вырубить электричество. Хулия остановилась на пороге.

– Дядя Ансельмо! – нерешительно позвала она.

Безумный аппарат снова начал вертеться и шуметь.

– Дядя Ансельмо! – позвала Хулия чуть громче.

Она наклонилась и подняла один из листков, который, видимо, от вибрации отнесло с корпуса машины прямо ей под ноги. От гула машины завибрировал весь дом. А потом, как показалось Хулии, дом исчез. И ей потребовалась секунда, чтобы понять – исчезла она сама.

– Знаешь, такая зелёная рожа. Весь в водорослях...

"Я бы ему тоже не поверила", – подумала Хулия. Парень за столиком был тощий, некрасивый и обладал фантастическим умением сочетать в разговоре одновременно энергию и лень. Говорил он быстро, но как-то без вдохновения, словно ему было лень выдумывать подробности.

– Ну-ка, детка, тебе не рано ходить по кабакам? Если разоделась как мальчишка, думаешь, что тут и стаканчик нальют?

Над Хулией нависла тяжеловесная женщина, уперевшая руки в бока. Тут Хулия осознала, что у неё и самой есть тело. Тело, одетое в бордовые брючки и красно-белую полосатую водолазку без горла. Вид не совсем из 27-го года, но вроде и инаковость не до степени, чтобы её брали в плен и везли на проверку местному колдуну. Одна только загвоздка, прямо сейчас Хулия стоит посреди деревенского кабака. Посетители бросают на неё неприязненные взгляды, а некто, кто выглядит как хозяйка, уже подталкивает её к двери.

– Давай-давай. И на месте твоих родителей, я бы хорошенько тебя выпорола.

Хулия оказалась на улице в темноте, хлопая глазами (всё-таки так моргать – это семейная привычка). Определённо, она очутилась в рассказанной истории. Значит этот Антонио Санчес (вот какие потрясения нужны для того, чтобы сходу вспомнить фамилию полуизвестного автора) не сочинил эту историю, она произошла на самом деле. А если всё-таки сочинил? Это же означает, что Хулия теперь в чьей-то фантазии и стоит фантазирующему проснуться, как Хулия развеется вместе с чьим-то сном. Тут ей пришло в голову, что этот писатель из жанр-дармерии, скорее всего, несколько десятков лет, как мертвецки мёртв. Она схватилась одной рукой за горло, почему-то ей стало сложно дышать.

– Тише, тише, – успокоила она себя. – Если бы это имело хоть какое-то значение, тебя бы здесь не было. Соображай, где ты, если не понимаешь, когда ты.

Вокруг была темнота. На чьём-то дворе заливалась-лаяла собака. Не приходилось сомневаться, что это та самая деревня Какбишьёзвали. Значит в кабаке, из которого выперли только что Хулию, рассказывал о своей встрече с водяным Эстебан. Нет, стоп, не слишком-то это было похоже на Эстебана, да и толпа насмехающихся подростков что-то не видать. Значит это тот первый, Паскуале? Почему Хулия забыла о Паскуале?

В этот момент в ответ на её мысли, дверь кабака распахнулась, и оттуда вышел, пошатываясь, Паскуале. На Хулию он не обратил никакого внимания и пошёл куда-то по улице.

В голове Хулии что-то щёлкнуло, и она определила приоритеты. Первый и самый главный – выбраться отсюда. Второй – на всякий пожарный держаться поближе к главным действующим лицам истории, если Паскуале уйдёт достаточно далеко, будет ли трактир всё ещё существовать? На всякий случай стоит принять за рабочую версию, что всё это только фантазия Санчеса. Было бы слишком обидно внезапно раствориться вместе со всей этой улицей.

Она пропустила Паскуале достаточно далеко вперёд, чтобы он не заметил, что она, делая как можно более беззаботный вид, следует за ним. Заводить более близкое знакомство её не тянуло: ни в рассказе дядюшки, ни во внешности Паскуале не было ничего, что позволяло бы думать, что тесные отношения способны ей принести нечто дарующее комфорт и чувство защищённости. Вот зато посмотреть, как его будет утаскивать водяной – дело иное.

Однако, куда бы ни шёл Паскуале, его путь, кажется, лежал не к озеру. Они прошли всю деревню и тут Паскуале стал идти ровнее и много собранней. Кажется, до того алкогольное опьянение он просто изображал. Очень талантливо, но, думается, у него была богатая практика и щедрый опыт.

Они перелезли через забор (светила луна и Хулия видела, куда Паскуале идёт, а тот вроде бы особо и не думал, что кому-то настолько интересна его персона и не проверял слежку). По чьим-то чужим садам и задним дворам они добрались до довольно большого каменного дома. Окна были освещены, и Хулия остановилась, глядя на них. Высокая тень застыла с табуретом в руке – напротив тень поменьше и тоньше. Младший защищается рукой, но в него летит табурет, мальчишка падает, из дома доносится брань. Ещё одна тень бросается наперерез большой, но отлетает от сильного удара.

Хулия обняла себя за плечи. Всё то время пока продолжалось избиение, она не могла отвести взгляда. Понадобилось всего минут пять, чтобы драка прекратилась. Но это были долгие пять минут. Много дольше, чем экшн-сцены с неубиваемыми героями боевиков. Большой силуэт по разу пнул побеждённых и перешёл к отборной брани. Хулия обвела взглядом двор. Паскуале исчез. Она была уверена, что это дом Мигеля и Эстебана, но что Паскуале тут делает ночью? Она сделала несколько шагов, зацепилась за что-то ногой и полетела вперёд. "Ну, вот и всё", успело мелькнуть у неё в голове. Что именно "всё" она подумать не успела.

Сперва она решила, что всё обошлось только парой царапин. Но когда подняла голову, то увидела, что уже светит солнце. Медленно она стала подниматься, отряхивая колени и пытаясь сообразить можно ли упасть в обморок и пропустить несколько часов так, чтобы это было незаметно. С другой стороны, если она находится в чьей-то фантазии, то особенно придирается к происходящему не стоит. Для фантазии уже хорошо и то, что вокруг всё такое вещественное. Причём до такой степени, что может оставить вполне реальные царапины. А ещё рядом стоял мальчишка.

Мальчишка был примерно её возраста или чуть младше. Он смотрел на Хулию во все глаза. И сперва она подумала, что он потрясён её появлением из ниоткуда.

– Привет, – робко протянула она.

Выражение лица мальчишки не изменилось. Не факт, что его вообще интересовал способ её появления в данном месте в данное конкретное время.

– Ты видела, как кто-то перебирал камни в колодеце?

– Чего?

Мальчишка перевёл взгляд куда-то ей под ноги. Невольно она взглянула туда же. Видимо, раньше на этом месте был колодец, но кто-то завалил его камнями.

– Ещё вчера они были все поросшие мхом. А ночью их кто-то перебрал, засыпал новые.

У мальчишки был высокий голос с какими-то плачущими интонациями. Хулия никак не могла понять, почему старый колодец вызвал у парня такой всплеск эмоций и почему стоит

смотреть на камни в таком шоке. Ещё мальчишка был очень худ. С большим количеством синяков и кровоподтёков. Высокая тень с табуретом...

– Эстебан?

Мальчишка перевёл взгляд на неё и вдруг глупо хихикнул.

– Мигель.

Хулия вздохнула. Желудок сжался, кажется, она сейчас нарушит все правила, но она должна попытаться.

– Мигель, пожалуйста, это важно. Не надо злить брата и отца тоже. Не надо говорить про водяных и всякую такую муру...

Парень издал ещё один глупый смешок. Потом Мигель упёрся в колени и захохотал. Смеялся он тоже высоко и звук перешёл в рыдания почти сразу. Сквозь странные звуки своей истерики он выдавливал из себя:

– Колодец засыпали заново...

– Мигель!

Хулия успела увидеть фигурку повыше, а потом снова почувствовала, что исчезает. Какой-то невидимый великан словно стирал её ластиком.

На нарах лежал худой высокий мальчишка. Повыше Мигеля, хотя очень похож. Даже синяки и ссадины присутствуют. Запрокинув руку за голову, он спал.

Хулия сделала пару шагов к выходу и прикоснулась к тюремной двери. Значит Эстебана держали в одиночке. Возможно, в их деревеньке и не было столько правонарушителей, чтобы держать их всех вместе.

– Как ты сюда попала?

Парень проснулся и, опершись на локоть, сонно смотрел на неё. Хулии захотелось заплакать, значит предупреждение не сработало, этот мальчишка здесь из-за подозрений в убийстве брата. Но вместо этого она быстро отреагировала.

– Я журналистка. Из Мадрида. Хулия Мендес. Эстебан, почему ты не рассказал никому, что твой отец убийца?

Он не удивился, просто пожал плечами.

– А вы думаете, что на него раньше не жаловались жандармам? Всякий раз, как он нас избивал. Он дружит с мэром в главном городке. Никто не заводит против него дела, сколько ни жалуйся. Даже если бы он нас убил, и то ему бы ничего не сделали.

– Эстебан...

Хулия снова почувствовала странную лёгкость в рёбрах и отчаянно пыталась задать какой-нибудь важный вопрос. Но Эстебан уже откинулся обратно на нары и прикрыл глаза:

– Закройте дверь, когда будете уходить.

Чуть пощёлкивая аппарат затихал. Замедлялось кручение дисков на корпусе, меркли лампочки. Хулия лежала на полу, и щека её была прижата к половицам. Встала она медленно, тяжело опираясь на руку. Листы с машины разлетелись по всей комнате, и Хулия медленно стала их собирать, не отдавая себе отчёта, зачем же это делает. Механизм затих и в комнате остался только свет уличных фонарей. Где-то работал телевизор. Хулия заглянула под стол, проверяя не осталось ли там ещё одной страницы, а потом побрела по коридору. Тётя с дядей мирно болтали в гостиной, а по телевизору шла какая-то викторина. Чтобы ни происходило с Хулией и сколько бы это ни заняло времени, они не заметили.

Хулия тихо поднялась на второй этаж и бросила собранные страницы на стол, где стояла тарелка фруктов («Если ты ночью проголодаешься»), её заранее распакованный ноут и бутылка минералки. Чувствуя себя сомнамбулой, она прошла к своим вещам, рванула молнию на туристической сумке. Достала мягкий лётный шлем с большими очками, натянула по самые

уши, села на постель, согнув ноги в коленях и схватив себя за щиколотки, и уставилась в окно. Дом её родственников стоял в престижном районе Ками де Мар, всего пара параллельных улиц отделяло их от цепи шикарных отелей, чьи окна и двери выходили прямо на пляж. Несмотря на то, что стояла ночь, Хулия слышала крики чаек. Улица была узкой, в доме напротив свет не горел, возможно, там сейчас никто не жил. Сидя на кровати, Хулия могла видеть тёмно-синее небо, подсвеченное жёлтыми уличными фонарями.

Наконец она стянула с себя шлем. Три года назад, когда отец, поддавшись на уговоры, только купил его ей, она носила его неделю, не снимая даже ночью (единственное исключение – во время купания в ванной). С тех пор шлем стал обладать странной магической силой, он выбивал из головы любые плохие мысли, заставляя думать о чём-то неясном: о бескрайнем небе и белых птицах, о башне-маяке с стеклянной верхней комнатой и столе, заваленном золотыми старинными географическими картами. И о том, что она видела, летая на самолёте: о бескрайней пустыне облаков далеко внизу. Но взрослые люди не бегут искать утешения в детских игрушках.

Смутное подозрение, зародившееся у неё год назад, постепенно крепло. Нет никакого взрослого поведения. Ты достигаешь состояния взрослости к пятнадцати-шестнадцати, а потом ты прекратишь изменяться, по крайней мере внутри. Обретёшь новый опыт, но расти прекратишь. Тебе придётся изображать эту взрослость, изображать всё время, пока маска не станет твоим лицом. Взрослый посмотрел бы в лицо опасности. Выдуманный взрослый. Реальный взрослый придумал бы себе утешительную ложь. Она просто грохнулась в обморок, устав после переезда, и посмотрела ряд приятных и необременительных галлюцинаций. Грязь на её спортивных тапочках, оставшаяся после того, как она пробиралась по ночным садам за Паскуале, просто свидетельство того, что тётя Клара плохо убирает дом. Осталось списать отметины на брюках после того, как она упала на камни у колодца, на происки инопланетян или заставить себя не обращать на них внимания, пока не удастся забыть о таком неприятном факте, свидетельствующем, что всё произошло с ней реально.

Она подошла к столу, зажгла настольную лампу и перебрала листки. История, судя по всему, не изменилась после её там присутствия. Ей незачем притворяться перед самой собой. Незачем обманывать саму себя и носить маску того человека, какого хотят видеть окружающие. Если она потеряет саму себя, стараясь быть какой-то иной, то эту потерю ей восполнить будет нечем. А внутри неё всё кричит от того, свидетелем какой странной истории она стала. И она не очень уверена – крик это ужаса или восторга.

Почему-то вместо того, чтобы предоставить готовое решение, машина отослала её в книгу (в прошлое или фантазию – пока не известно). Её вернули обратно, видимо, Хулия получила достаточно сведений, чтобы распутать всё самой. Но что же она знает?

В ночь своего исчезновения Паскуале был во дворе фермы Хорхе (она так и не знает фамилий той семьи). В принципе, убийств три, а тел всего два. Отсюда можно заключить, что Паскуале и изображал водяного. С другой стороны, это точное свидетельство того, что математика не годится для решения детективных загадок. Зачем Паскуале это делать? Мог ли он кого-то так ненавидеть, чтобы довести домашних до убийства Мигеля или убить его самостоятельно и свалить на других? А Хорхе? Или Паскуале ненавидел Хорхе и Мигеля, а Эстебан ему был без разницы? И явно, что Паскуале после этого навсегда пропал. Стоило ли оно того? Не проще ли было сразу убить обидчиков?

Так. Хулия заставила себя остановиться. Что я узнала из этого путешествия? Первый эпизод – то, что Паскуале в ночь своего исчезновения был на ферме. Второй – Мигель в состоянии шока, и кто-то перебрал камни в старом колодце. Третий – пока не ясно.

Из первого эпизода ясно, что Паскуале мог убить любой из обитателей фермы. Из второго... из второго, что на территории фермы был колодец. Если убрать оттуда камни, то это отличный способ, чтобы прятаться "водяному". Например, там прятался Паскуале, который

потом убил Мигеля. Нет, снова стоп. Паскуале сам засыпал камни за собой? Вот только Хорхе либо убил себя сам, либо его убил Паскуале, потому что Мигель на тот момент уже мёртв, а Эстебан в тюрьме.

Хулия резко выпрямилась. Идеальное алиби. Один брат мёртв, второй в застенках. Три убийства, два тела. Да ещё обезображенный труп. Достаточно щуплый, чтобы сойти за Мигеля, потому что Эстебан был выше. Но кто тогда убил Паскуале? Оба брата, чтобы можно было выдать его труп за труп Мигеля?

Третий эпизод. "Почему ты никому не сказал, что твой отец убийца?". Не убийца Мигеля. Паскуале был воришкой. В ту ночь Хорхе был вне себя, снова до полусмерти избил сыновей. А потом вышел во двор и застал там Паскуале. Возможно, тот что-то воровал? Хорхе, думается, было достаточно любого повода для избиения (труп выловили со следами побоев). Видимо, даже знакомство с мэром не могло в полной степени покрыть убийства и потому труп был спрятан в колодец. Потому с таким ужасом на колодец смотрел Мигель. Что-то (скорее всего, звуки ругани и ударов) подсказало ему ночью, что произошло преступление и теперь он осознавал, что перед ним не просто старый колодец, а могила. Братья сильно рискнули, когда решили выдать труп Паскуале за труп Мигеля, ведь три дня после смерти не то же самое, что человек убитый в ту же ночь. Им повезло, что всё представление так заморочило всем голову, что никто не подумал, что найденный – это тот, кого искали три дня, то есть Паскуале. Понял ли это Хорхе? Сам ли он написал разоблачающую записку или это написал Мигель, чтобы отвести подозрения от брата? И да, не похоже, что Хорхе покончил с собой сам.

Хулия зябко поёжилась. Она включила ноут, и набила свои соображения в файл. Как-нибудь она покажет всё дяде. А пока спать. Спать в этом странном доме, полном странных изобретений.

ВТОРАЯ ГЛАВА

За последнюю неделю Хулия раз десять сходила посмотреть на остатки механизма. Обиженный дядюшка Ансельмо разобрал аппарат уже на следующее утро и Хулии только и досталось, что после завтрака посмотреть на гору железяк на столе. Мысленно она назвала почивший механизм Мечтатор.

Книга, к которой дядя тоже потерял интерес, окончательно перекочевала в комнату Хулии. Она боялась, что дядя уже не сможет воссоздать аппарат, но тот лишь удивлённо поднял брови, когда она это упомянула, а затем прочитал лекцию минут на пятнадцать о том, что у каждого нормального человека всегда хранятся все чертежи его изобретений. Потому Хулии оставалось лишь целыми днями намекать, что новая попытка применить изобретение может увенчаться большим успехом.

В остальном ей было сложно чем-то занять себя. Ками де Мар был крохотным городком и через полчаса пешей прогулки в любую сторону ты попросту оказывался в соседнем городке, столь же плотно застроенном, потому что никто не собирался упускать возможность получать прибыль с туристов, приезжавших на морское побережье. Ками де Мар состоял из холма, на котором находились остатки иберийском крепости, массы старинных домов по дороге к пляжу, сети отелей на пляже и, как ни странно, университета по другую сторона холма. Причём в университете вполне допускались вольнослушатели и уже с сентября Хулии предстояло попробовать почти совсем взрослую жизнь и стать «почти студенткой».

Она ходила по пляжу. Переписывалась с мадридскими приятелями. С родителями. И даже успела попереписываться с Анхеликой, которая четвёртый год жила в Ницце. Практически каждый говорил Хулии, как рад за неё, раз теперь она живёт у моря и у неё столько свободного времени. Она же при этом молча завидовала приятелям: они бы смогли легко найти новых друзей в незнакомом городе. Танцевать. Болтать. Наслаждаться каждым мгновением. Хулия казалась самой себе самозванкой, занявшей место кого-то, кто лучше сумел бы распорядиться годовым отдыхом в курортном городе.

Она уже изучила всё, что смогла найти про Антонио Санчеса (всё, что можно откопать в интернете, не покупая всех книг, где Санчес упомянут одной строкой в сносках). Странностей при этом хватало. И главной из них была та, что жанра детектива в Испании не было до семидесятых годов. В те годы, когда весь мир играл с новой опасной игрушкой, испанские писатели даже не пробовали себя в этом новом жанре. Многие увлекались и читали английские или французские книги. И Хулия с интересом читала статьи о «национальном менталитете», который не позволял испанцам попробовать свои силы в жанре, который столь легко раскупался. «Рассказы без конца» упоминались, пусть и не часто, но, как правило, исследователи понятия не имели, к какому жанру их отнести. Для детектива в них не хватало расследования. Их называли (при хорошем раскладе) «хоррором» или (в неудачных случаях) «графоманией, где автор умел придумать завязку, но бросал сюжет, не дойдя даже до кульминации». Сама же Хулия была уверена, что в самом крайнем случае «Рассказы» точно претендовали хотя бы на звание «первого испанского постмодернизма». «Рассказы» по всем канонам мистических книг должны были быть тайным знанием, доступным лишь посвящённым. На самом деле она нашла книгу, выложенной в интернет аж на двух сайтах (она даже умудрилась посмотреть количество посещений – в обоих случаях почти за десять лет меньше сотни на каждую из страниц с книгой). Судьба писателя рассказов оставалась неясной, как и многих из тех, кто не был достаточно известен, чтобы его жизненный путь имело смысл проследивать во время хаоса Гражданской войны.

С завидным постоянством Хулия пыталась завести разговоры о книге с дядей.

– Мой любимый рассказ «Огненные буквы», – вздыхала Хулия.

Дядя тоже вздыхал, но по гримасе, которую он при этом корчил, Хулия предполагала, что тот попросту не хочет признаваться, что эту историю он терпеть не может. Как-то дядя Ансельмо упомянул, что в детективах достаточно и того, что не ясно, кто убийца, когда же приходится угадывать ещё и жертву, то это как уравнение со слишком большим количеством неизвестных и без единого числового значения, то есть чересчур много возможных вариантов. Увы, «Огненные буквы» был далеко не единственным подобным рассказом в книге, так что как именно книге повезло стать дядиной любимой, оставалось загадкой почище всех, что записал Антонио Санчес.

«Огненные буквы» при этом был рассказом жутковатым и сильно давящим на воображение. Когда-то в молодости Розалия подверглась похищению. Но ей удалось не только вырваться, но и пристрелить преступника. По какой-то неясной причине она не сказала полиции, что отправила преступника в страну предков. Однако, она описала место, где её держали довольно подробно (ведь она запомнила и маршрут, по которому убегала из дома-ловушки), но когда полиция приехала в этот дом, то не нашла там тела преступника, таким образом Розалия смогла сохранить свой секрет. Лет через семь в доме Розалии загадочным образом оказалась книга под названием "Розалия в огне". С ужасом она читала в книге сокровенные подробности собственной жизни. Из книги она узнала, что её похитителя звали Ипполито, а труп похитил его брат-близнец Эрман, который стал повсюду искать убийцу брата. У книги было две концовки, которые переплетались между собой – в одной Эрман убивает Розалию, в другой – Розалия убивает Эрмана. Розалия нашла издательство, в котором была напечатана книга, но там ничего не могли рассказать об авторе этой книги. И даже о том, куда подевался тираж. Однажды Розалия увидела живого Ипполито, не сразу поняв впоследствии, что это его близнец Эрман. От Эрмана она спряталась, попыталась проследить за ним, но быстро потеряла след. Далее следует лакуна. Под конец возникает эпизод, где Розалия ходит по комнате, забитой тиражом "Розалии в огне". На этом рассказ обрывается.

По вечерам Хулии нравилось перечитывать всю книгу, особенно этот странный рассказ. Он не был самым странным в книге, были и более захватывающие, и более неоднозначные. Но именно в нём, казалось, можно попытаться найти разгадку, если прочитать всё внимательно. Книга уже отпечаталась в ней, иногда Хулии казалось, что некая рука протянулась из книги к её душе и крепко держит эту неосязаемую душу за призрачный воротник. И через неделю после своего первого погружения в книгу, лёжа вечером в комнате, в очередной раз перелистывая страницы, Хулия почувствовала, что не хочет сопротивляться этому странному зову. Рёбра зачесались, внезапно вспомнив ощущение невесомости, а потом... а потом невесомость наступила по-настоящему.

Хулия боязливо открыла один глаз. Если дядя починил машину и натихую использовал её на Хулии, тётя Клара оторвёт ему голову. И будет права. Сцена, которая происходило перед её глазами, была из середины рассказа. Розалия созналась во всём своему мужу Теренсио, который теперь бушевал и уговаривал её обратиться в полицию, уверяя, что книгу на свои деньги явно напечатал Эрман. Сама Хулия сидела на диване, напротив неё в кресле сидел какой-то мужик под пятьдесят с серыми волосами и землистым цветом лица. Он вяло следил за ссорой супругов. В рассказе этого точно не упоминали, но, стоит заметить, не так уж эти рассказы были и точны. Видимо, в пылу ссоры, супруги не замечали никого вокруг. Где-то минуту Хулия прислушивалась. Вроде бы, если ей и надо было что-то уловить из этого разговора, то она и так знала суть – Теренсио в сотый раз спрашивает Розалию, почему же она не сказала полиции, что застрелила похитителя. И та снова отвечает, что сама не знает. Хулию тоже интересовал этот вопрос и если перемещение было вызвано только им, то ресурсы были потрачены совершенно зря, Хулия была уверена, что разгадка заключена именно в этом вопросе и напоминать лишний раз ей это не стоило.

Чтобы не было скучно, Хулия помахала землистолицему мужику в кресле. Тот поначалу лениво окинул её взглядом, а потом его глаза от удивления расширились. Хулия широко ему улыбнулась – сейчас у них состоится разговор примерно той же информативности, что и у Розалии с Теренсио: "Как ты здесь оказалась?" – "Сама не знаю". Но Хулия ошиблась.

– Ты меня видишь?

Мужик был потрясён до глубины души. Хулии стало не по себе. Кажется, она попала в рассказ с привидениями.

– Ну да. А они тебя не видят?

– Как и тебя.

Хулия взглянула на супругов, казалось, пройди тут стадо слонов, они и то не обратили бы внимания.

– Да нет, раньше меня все видели, – продолжала настаивать Хулия.

Вместо ответа мужик встал с кресла и отвесил Теренсио хорошего пинка. Удар ступни пришёлся не по ягодицам, а куда-то в область бёдер. Можно было засечь всё движение, так как ступня спокойно насквозь прошла через это самое пресловутое бедро.

– Теперь твоя очередь.

Хулия почувствовала, как руки и ноги стали холодными, а от мысли, что это тоже признак превращения в призрака, она похолодела ещё сильнее. Лучший способ что-либо доказать – практика. Она вскочила с места, пытаясь обратить на себя внимание.

– Синьор, синьора, секундочку...

Стоит ли говорить, что рука прошла сквозь обоих спорщиков. Хуже того, они застыли, как актёры в дешёвых ситкоммах, когда им надо изобразить остановку времени. Хулия ткнула пальцем в землистолицего.

– Так, теперь ты мне объяснишь, что происходит.

Тот пожал плечами.

– Постепенно учишься останавливать их, когда пожелаешь. Сейчас, думаю, интереснее пообщаться друг с другом, а эти двое всё равно как киноплёнка, всё время болтают одно и то же.

Хулия помахала перед супругами рукой.

– Словно в стоп-кадре оказалась, – пробормотала она.

– Прости, что?

Хулия посмотрела на землистолицего. Так-то его костюм смотрелся вполне в стиле квартиры супругов Коуро. Но теперь, когда выяснилось, что его отношение к эпохе весьма сомнительное, вдруг она поняла, что это лицо она уже видела (в чёрно-белом варианте, где цвет, даже землистый, не определишь).

– О, нет, ты ведь не...

Мужчина слегка приподнял брови.

– Вы ведь Валерио Антонио Санчес.

А потом она сказала несколько слов, которые в первой трети двадцатого века могли не знать. А если и знали, то вряд ли их употребляли особы женского пола.

Они с Валерио сидели на кухне и пили из хозяйских кружек растворимый кофе, разбавив его кипятком из электрического чайника. Хулия запоминала правила, которыми с ней делились: если далеко отойдёшь от персонажей, тебя само собой вернёт обратно; когда время пойдёт дальше в обычном ритме, весь кавардак, который они устроили в кухне, исчезнет и вещи вернуться на свои места, а их (по крайней мере, Санчес по его словам это переживал уже много тысяч раз) будет перекидывать из эпизода в эпизод, пока этот рассказ не закончится и не начнётся новый. Он с удивлением упомянул, что больше не попадает в рассказ о водяном. Хулии сложно было справиться с чувством гордости в голосе, когда он рассказала, как решила эту загадку, тем самым, видимо, вычеркнув её из ряда повторяющихся сцен.

– Не думал, что достаточно завершить эти сюжеты, чтобы они исчезли, – Санчес смотрел в кружку. Просто ему никогда не удавалось разгадать эти сюжеты, перевела для себя Хулия. – Они повторялись и повторялись, сперва в снах. Я стал их записывать, надеясь избавиться от них. Пока я занимался книгой, перед её выпуском, все эти видения прекратились, а потом всё началось заново, пока эти видения не стали постоянными.

– Прошло почти сто лет, – осторожно сказала Хулия.

Казалось, на Санчеса это не произвело никакого впечатления. Хулия не исключала, что он и её считает частью своей фантазии, а всё окружающее – только личным безумием.

– Чтобы выйти из петли, надо решить все загадки, – наконец твёрдо заключила Хулия.

Она говорила так уверенно, чтобы скрыть простую истину – она понятия не имеет, что будет, когда петля завершится. И не завершится ли жизнь Санчеса вместе с последней загадкой. Он выглядел при этом столь отстранённым и равнодушным, что, кажется, он был бы не против и подобной возможности. Правда, сама Хулия не была готова к такому развитию событий, так что, если она сама останется в петле, стоит не разгадывать все загадки, оставить себе две-три про запас, лучше всего те, где наличествует не просто кухня с чаем и бутербродами, но целый отель со спа и джакузи, икрой и фуагра. Если пропадать в безвременье, так хоть со вкусом.

В конечном счёте, они согласились, что надо выяснить все подробности дела, которые Санчес не упомянул в книге, ведь в прошлый раз именно новые улики помогли Хулии распутать клубок. Санчес быстро пересказал всё, что помнил (а у него было время, чтобы основательно запомнить все истории). Хулия набрасывала список прямо на скатерти (карандаш они нашли, а бумагу нет). Санчес поторапливал, утверждая, что часа через три время включится само, а потом его ещё долго не остановишь. Хулия пыталась запомнить всё наизусть, а в это время она ощущала, как рёбра снова становятся невесомыми...

Она открыла глаза. По счастью, в этот раз она лежала на постели, да и во время её пребывания в книге никаких новых царапин она не получила. Она взяла со стола блокнот и карандаш и быстро стала снова составлять тот же список, пока не забыла. Если её выкинуло в реальность, значит некто или нечто сочло, что у неё теперь достаточно сведений на руках, чтобы решить задачку.

Список эпизодов:

"1. Розалия находит книгу на полке. Скорее всего, кто-то её подложил.

2. Розалия ищет издательство. Там отказываются рассказать, что за автор написал книгу (нигде автор не указан). Из издательства Розалия идёт в кабинет экстрасенса напротив. На этом эпизод обрывается.

3. Ссора с мужем. Из неучтённых ранее подробностей: Теренсио упоминает, что Розалия не так давно проходила экспериментальное лечение у психотерапевта.

4. Розалия видит Эрмана в кафе. Он очень серьёзно читает книгу "Розалия в огне". Фернандо выяснил, что Эрман бизнесмен, связан с издательским бизнесом и собирается купить за долги то самое издательство, которое и выпустило книгу. Розалия прячется от него.

5. Розалия у экстрасенса. Рассказывает ему, что видела Эрмана. Экстрасенс говорит, что братья бывают привязаны друг к другу и что брат ради брата всегда может пойти на любое преступление.

6. Розалия снова разговаривает с издателем, спрашивает, как бы тот отнёсся к детективу по реальным событиям. Тот хохочет и говорит, что был бы счастлив, это золотая жила.

7. Неизвестно каким образом Розалия приходит в квартиру, от которой у неё есть ключ. В квартире единственная комната, в ней стеллажи, заставленные всё тем же романом. Она снимает один роман с полки и видит, что он не такой же, как у неё, он подписан её именем в качестве автора".

Последний пункт Антонио Санчес в свою книгу включать не стал, тогда бы рассказ читался однозначно – это лишь описание безумия самой женщины. Кто может написать подробности её жизни? Только она сама.

Хулия подчеркнула два раза третий пункт. Почему эпизод заканчивается на моменте, когда Розалия приходит к экстрасенсу? Несомненно, это ключ. Если бы речь шла исключительно о том, что Розалия сама написала роман, то Санчес давно бы вышел из временной петли.

Но почему же она никому не рассказывала про убийство Ипполито? В той ссоре, которую они не дослушали, как уверяет Санчес, Розалия говорит, что и на сеансах ни разу не упоминала про убийство. В общем, мы снова оказываемся в ситуации, что книгу написал Эрман, только он мог знать, что она убийца. И опять мы в ситуации с одной стороны слишком простого преступления, с другой – слишком запутанного, особенно для Эрмана. Но если не эти двое, остаётся, по законам жанра (и потому, что временная петля считает, что у Хулии уже все улики на руках), ещё только трое упоминавшихся в рассказе – экстрасенс, директор издательства и муж. Как и зачем?

Хулия снова постукала карандашом по зубам. Её внимание попытались привлечь к вопросу, который она задавала себе уже сотню раз: почему Розалия не сказала никому про убийство похитителя? Если бы это не имело значения, к этому не было бы привлечено так много внимания. Ипполито остался жив и теперь это он под видом Эрмана следит за Розалией? Нет, её молчания это не объясняет. Он не похищал её, а на самом деле она убила его по другим причинам? Хорошо, но не подходит под условия задачи, ведь зачем-то же она сказала полицейским, что её похищали, если бы она ушла из дома и не обратилась в полицию, ей проще было бы всё скрыть.

Может, она забыла про убийство? Верила, что не убивала? Хулия резко выпрямилась. Всё может быть ещё проще. Розалия не просто верила, что не убивала. Она на самом деле не убивала.

Быстро Хулия прошлась по списку. Когда Розалия стала верить, что убила Ипполито? После сеансов экспериментальной терапии. Возможно, она показала себя крайне гипнабельной. Человеком, которому можно внушить, что угодно. После этого она начинает посещать экстрасенса, о котором ничего не сказано в рассказе. Потом появляется книга, где ещё разок Розалию убеждают в совершённом преступлении, которого не было. Через экстрасенса ей повторяют гипнотические установки, дают ключ от квартиры с книгами...

Зачем? Это делает Эрман? Зачем ему, чтобы Розалия верила, что убила его брата-близнеца? Скорее всего, никакого брата-близнеца не существует в помине. Но зачем ему это? У Розалии скоро мозги из ушей потекут, он не боится, что она прикончит его так же, как это описано в книге?

"Очаровательная, очаровательная история", – пробормотал дядюшка Ансельмо на восхищение Хулии, – "обожаю детективные загадки без убийцы и жертвы".

Всё это время в качестве жертвы Хулия видела Розалию, а что, если жертва Эрман? Выпускается книга, где он назван братом-близнецом какого-то насильника, чьего настоящего лица, судя по всему, Розалия и не помнит. Книга подписана именем Розалии. Её странности убедят в её психической нестабильности. Подробности её жизни в книге? Выведаны на сеансе гипноза или внушены экстрасенсом. Когда выяснится, что у Эрмана нет братьев, это не послужит в пользу доказательства психической полноценности Розалии.

Экстрасенс точно замешан, но зачем? Преступление для брата? Именно поэтому в придуманной книге выбраны братья, у реальных преступников сработал психологический эффект под названием "проговорились".

Да, мог бы это быть и Теренсио. Есть лишь одно "но" – на директора издательства указывает миллион стрелочек. Если Эрман умрёт, то не станет выкупать издательство за долги. Именно директор издательства не захотел открывать имени автора, и он же напечатал тираж

с именем Розалии на обложке. Если Розалию признают убийцей (причём ей вовсе не нужно убивать самой, даже если убьют преступные братья, подумают на неё), тиражи её книги взлетят до небес и издательство выберется из долгов.

– Сделано!

Хулия бросила карандаш на страницу блокнота. Вдруг перед её кроватью замерцал воздух. На несколько секунд она увидела Санчеса, который удивлённо огляделся и вдруг снова исчез. Неуверенно Хулия встала с кровати и повела ладонью, где он стоял. Она очень надеялась, что всё произошедшее обозначает, что в петле, в которой находится Санчес, на одно звено стало меньше.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Перед Хулией стала дилемма, как посвятить родных в то, что она стала как-то решать загадки. Она стащила одну из голубых лампочек механизма на память и прятала её под подушкой (разумеется, в жестяной коробочке, иначе от лампочки скоро мало бы что осталось).

Как-то она завела с дядей Ансельмо разговор о рассказах, в которых уже успела побывать, сказала, что ей приснился сон, даже два, и, возможно, механизм тому причиной. Дядя Ансельмо выслушал, покивал, но лишь сказал, что, возможно (и это «возможно» он подчеркнул голосом так, будто подводил под написанным словом три черты), Хулия и права, но он пришёл к выводу, что не должен более пытаться получить ответы, рассказы хороши только пока они лишены концовок, а когда они получают разгадку, то потеряют очарование.

Потеряв возможного (от этого слова она стала вздрагивать) союзника в лице дяди, Хулия испытала сожаление, но всегда оставался Санчес, оставшийся в плену страниц, так что она надеялась, что сможет поговорить о происходящем хотя бы с ним, когда встретится с ним ещё раз.

Однако в книгу снова она не спешила. Ей было стыдно перед Санчесом, который раз за разом проходил ад повторов, но и Хулия сомневалась, что сможет в пять секунд расщёлкать любую загадку без предварительной подготовки. Глупее всего, считала она, оказаться в рассказе, дать Санчесу надежду и так и не разрешить рассказ, в котором она очутится. Она гуляла по городу, мысленно перебирая рассказ за рассказом, желая точно добиться успеха при следующем погружении. Прошла почти неделя, пока она наконец набралась мужества, чтобы снова погрузиться в книгу.

В воскресенье Хулия осталась дома и отоспалась на все сто процентов. Для полёта сквозь пространство и время Хулия выбрала небольшое чёрное платье в готическом стиле (единственное платье, которое было в её гардеробе) и приготовилась погрузиться в историю о трёх украденных днях. Там была масса героев и абсолютно запутанный сюжет. Ко всему, почти всю неделю Хулия думала, как же такое количество народа в доме могло пропустить целых три дня. Наркотики? Операции с памятью? Враньё? Что-то Хулия сомневалась, что Санчесу удалось хотя бы приблизиться к разгадке. Говоря по чести, у неё тоже не было даже тени идей, что же произошло в рассказе и какая-то часть её сознания мысленно вопила ей в уши, что это самый великий идиотизм – выбирать целую неделю рассказ, чтобы в конечном счёте остановиться на одном из самых сложных.

В этот раз полёт предстоял днём. Она заперлась в своей комнате, перелистнула книгу и уставилась на страницу, надеясь насладиться чувством невесомости, пока будет пролетать насквозь. И не ощутила совсем ничего. То есть полностью ничего. Она снова сосредоточилась и закрыла глаза. И снова ноль. Она открыла глаза и уставилась на напечатанные буквы. Если пару недель назад ей было жутко от того, что она оказалась в книге, сейчас её мучил ужас от того, что перелёт больше не повторится.

Может и на прошлой неделе она не проваливалась? Такой частичный сдвиг по фазе, оставшее явление после первого падения в иную реальность. Ведь от прошлой вылазки не осталось никаких материальной следов. А от позапрошлой? Кроме пары царапин? Да нет, чушь какая-то. Или не чушь?

В панике Хулия листала страницы, пока не ощутила знакомую лёгкость в рёбрах. Особо не вчитываясь, она уставилась на страницу, а голова кружилась всё быстрее...

Стоило радоваться, что попала хоть куда-то. И Хулия радовалась. Было не так-то просто понять, где она. Большой дом в готическом стиле. На лужайке две пары играют в теннис. На секунду Хулия поверила, что она в "Трёх украденных днях", но внезапно до неё дошло, что

это "Невидимка". Бррр. Этот рассказ ей не нравился совершенно. Прежде всего, своей минорной концовкой, когда погибает молодая восемнадцатилетняя девушка. Потом тем, что Хулия напрочь не могла понять, как совершаются преступления, а главного подозреваемого при этом пихали под нос так навязчиво, что это тоже не могло не раздражать. Понять бы ещё, как этот подозреваемый совершал все свои преступления.

Один из парней сильно размахнулся и волан упал у ног Хулии. Не раздумывая, она подняла его и помахала в воздухе. Через секунду до неё дошло, что она вовсе не в том отстранённом времени, в каком находилась прошлый раз. Потому что мало того, что ей удалось поднять предмет из этого мира, так и компания на лужайке неуверенно помахала ей в ответ.

– Ох, Санчес, – прошептала Хулия, – надеюсь, ты на это смотришь.

Стараясь не показывать свой страх, Хулия зашагала к компании. Подойдя к лужайке, она легко подкинула волан и отправила его в центр поля. Один из парней подхватил волан на ракетку. Какое-то извращение – играть в бадминтон через сетку. Да уж, это не теннис, раз у них нет мячей.

Компания откровенно разглядывала Хулию, она в ответ пялилась на них. Играли двое на двое, в каждой паре по парню и девушке. Эта темноволосая лет двадцати пяти Бернарда, владелица поместья, вторая с серыми мышинными волосами восемнадцатилетняя Лелия. Хулия зябко повела плечами, слишком ярко представив финал и что в нём ждёт Лелию. Парни похожи друг на друга, правда, лётчик Гастон (француз) котируется на рынке женихов больше, чем богатый бездельник Раймондо. Сзади с той стороны лужайки сидит Балтазар, вернее, уже не сидит, а поднимается из плетёного кресла. Ему тридцать восемь, он полон и солиден и в этой компании выглядит стариком, да и ведёт себя соответствующе. Главная подозреваемая – Бернарда, как представительница целиком взбесившегося рода, на втором месте по подозрениям – Бальтазар, так как в случае смерти Бернарды поместье получит он. Остальные тут нужны как фон для создания нормальности. Пока они её разглядывали, Хулия успела порадоваться, что платье не так, чтобы слишком отличается от моды двадцатых. От разгульной моды двадцатых. Причём в американском стиле – не то, чтобы совсем флэппер¹, но очень похоже. Ещё бы ленту на волосы, а то тут девушки ходят в шляпках и непокрытые волосы Хулии смотрятся, должно быть, как купальник в оперном театре.

Первым паузу нарушил Гастон.

– Откуда ты, прелестное создание?

Вот тебе и фамильярное отношение за той внешний вид, заключила Хулия. Она неопределённо махнула рукой.

– У папа (она произнесла это на французский манер, даже несколько передразнив акцент Гастона) сломалось авто. Мы поссорились, и я пошла одна через лес.

Пауза. И довольно длинная. Когда люди не знают, что сказать, то обычно замирают как кролики в свете фар.

– Но так нельзя, – подала голос Бернарда, видимо, вспомнив о своих обязанностях хозяйки, – тебе надо нанять такси.

Хулия легкомысленно пожала плечами.

– Не хочу, чтобы папа (снова французское ударение) слишком легко отделался, пусть понервничает. И потом я прекрасно дойду пешком, в пансионе мы дважды ходили в поход, и я самая выносливая.

Компания переглянулась между собой. Тут подал голос Бальтазар.

– И самая глупенькая, как я погляжу. Уж прости, но мы тебя одну не отпустим. Вызовем такси или, Раймондо, довезёшь девочку на своём автомобиле.

¹ Флэппер – прозвище молоденьких девушек 1920-х годов, увлечённых новомодными веяниями.

Чуть размахивая руками, Хулия прошествовала мимо Бальтазара и уселась в плетённое кресло, найдя применение рукам – скрестила на груди. Ещё надула губы.

– Если вы дадите мне телефон, я позвоню Хуану, и он пришлёт за мной авто.

– Хуан – это твой жених, дитя? – поинтересовался Гастон.

Хулия смерила Гастона взглядом, но всё же решила, что образ строптивного подростка позволяет ей ответить на вопрос.

– Хуан – это папин дворецкий. Иногда и шофёр, если Рамиро в отпуске.

Компания снова переглянулась.

– Ну, пошли домой, – сказала Бернарда. – Угостим тебя лимонадом, и ты сможешь позвонить.

Хулия шла позади, чуть подволакивая ноги, будто нехотя. В голове при этом у неё стучало: "Боже, что я творю!".

По счастью, никто не стал подслушивать, как она набирает номер. В принципе, Хулия знала, как выглядят дисковые телефоны и, так как любила смотреть старые фильмы, даже представляла, как надо набирать номер. У этого ящика, безвкусно подкрашенного под мрамор, никакого диска не было в помине, только пара трубок – одна, чтобы подносить к уху, вторая, выполняющая роль микрофона. Наверное, надо было связаться первоначально со станцией. Вроде бы станция подключалась автоматически, если ты только снимал трубку. Или надо было набрать какие-то цифры. Что затруднительно, когда набирать их нечем. Технология инопланетян. Хулия держала рычаг аппарата выключенным, при этом громко щебетала в телефонную трубку, понося своего папашу (прости, папа) и, умоляя не просто прислать авто, а авто, которое повезёт её на вечеринку. Достаточно кислое выражение лица и угрюмость после "телефонного разговора" должны были сказать окружающим, что развлечений у подростка не предвидится. А вот неприятности не преминут последовать.

– Приедут через два часа. Папа им уже звонил, сперва подберут его.

Хулия буркнула и уселась на очередное кресло, в любимой позе руки на груди, мол, сами подобрали, теперь нянькайтесь. Два часа у неё, кажется, есть. Через три часа всё будет кончено. Хулия снова облилась холодным потом, глядя, как Лелия кокетничает с Раймондо. Более симпатичного жениха она оставила Бернарде. В любом случае, кажется, Бернарде было безразлично, она не смотрела в сторону парочки. Её взгляд окостенел, она смотрела куда-то наверх лестницы. Вся остальная компания делала вид, что не заметила. В рассказе упоминалось, что они уже привыкли и перестали обращать внимания на её странности. Бальтазар отдал распоряжение, и служанка принесла Хулии на подносе лимонад.

– А можно шампанское? Мне разрешают шампанское.

Хулия чуть наклонила голову, что должно было быть заявкой на кокетство. Положим, капризный характер был Хулии не свойственен, зато щенячья неуклюжесть у неё получалась на ура – тот же возраст, тот же опыт. Бальтазар скупно улыбнулся.

– В этом доме столь юные особы предпочитают лимонад.

Хулия гибким жестом (или тем, что соответствовало этому термину прямоком из женских романов) взяла бокал с лимонадом и изящно отпила. Весь жест означал: "Вы, конечно, силком затащили меня в свой дом, заставили связаться с родными и поите всякой безалкогольной гадостью, но я не собираюсь показывать вам, что это меня хоть на йоту задело".

Бернарда отмерла. Гастон с Раймондо переглянулись. *"Пройдёмте все в гостиную"*, – мысленно произнесла Хулия.

– Пройдёмте все в гостиную, – с радужной улыбкой произнесла Бернарда.

Высокий потолок, громадные окна метра в три высотой.

– Вы ведь знаете историю нашего рода? – Бернарда всё с той же отсутствующей улыбкой повернулась к гостям.

Никто, кроме Бернарды убить не мог. Вот шарф на раме окна. Всю ночь Бернарда не спала в своей комнате. Почему же Санчес до сих пор в этой петле? Ведь эту загадку решит и младенец. Но, может, Санчеса тут нет. В конце концов, Хулия тут его не видела. Тогда зачем она сама здесь?

– Это легенда ещё восемнадцатого века. Два семейства Сальваторе и Альваррес десятилетиями враждовали друг с другом из-за клочка земли посреди реки, небольшого острова. Представители семейств не раз устраивали поединки. Или заключали браки. Ненависть – это вариация любви. В те годы, о которых речь, наследник рода Сальваторе женился на гречанке, про которую мало что было известно, и которую слуги стали обвинять в колдовстве. В то же время наследник Альварресов тоже женился, невесту звали Камилла, она была очень красивой и её тоже обвиняли в колдовстве. Случилось так, что даже несколько слуг ушло из домов, опасаясь будущих несчастий. Но тут выяснилось, что клочок земли король подарил какому-то французу, я забыла фамилию.

Бернарда сделала драматическую паузу. Все очень старались не коситься в сторону Гастона. Хотя Бернарда делала всё возможное, чтобы запугать Гастона, смерть на самом деле грозила Лелии. Она должна была принести шарф, который сейчас висел на окне, а потом внезапно скончаться от сердечного приступа.

– Тот приехал к Альварресам, которые закатили пир вот в этом самом доме. Внезапно француз посреди пира схватился за горло и закричал: «Он душит меня! Душит!». Он побежал по комнате, пытаясь разорвать себе горло, но невидимка продолжал его душить. В какой-то момент он даже толкнул француза так, что тот упал на стол. Француз сопротивлялся, но невидимка одолел его и скоро тот упал мёртвым, разбросав посуду. После семьи обвиняли друг друга в том, что именно те занимались чёрной магией на пиру, но было признано, что тот дворянин подавился и ни одна семья не получила официально обвинений в колдовстве. А остров посреди реки порос бурьяном.

Бернарда наклонила голову к плечу, глядя куда-то в пространство. Гастон наклонился к Раймондо и что-то прошептал. Хулия знала, что именно. "Они тут все сумасшедшие". Она не любила этот рассказ, но всё равно знала почти наизусть, как и всю книгу. Хулия вскочила, схватила Лелию за руку и безапелляционно заявила:

– Я буду гадать тебе по ладони.

Рука Лелии безвольно дёрнулась, но она, сокрушённая невозможностью вежливого отказа, ничего не предприняла. Бернарда вздрогнула от слишком звонкого голоса Хулии.

– И вот теперь, – своими медленными модуляциями Бернарде снова удалось нагнать гипноза на слушателей, – у нас, у Лелии, меня, Бальтазара кровь не только Альварресов, но и Сальваторе. И порой дом снова начинает нас душить.

Хулия негромко, но быстро бормотала Лелии пророчества касательно красивого брюнета, скорой свадьбы и поездки в Нью-Йорк. При названии города Хулия экстатически закатывала глаза.

Теперь должен был состояться спиритический сеанс. Хулия на все сто была уверена, что стол будет качать Бальтазар. Ему надо выманить денег у Раймондо на проект вилл для богатей, про проект упоминалось в начале рассказа. Но жуткие предсказания сыграют на руку Бернарде. Стоило так же понять, откуда донесётся голос «Смерть бродит по саду», который ввергнет всех в ужас. После сеанса все будут разговаривать натянуто-весёлыми голосами и делать вид, что всё в порядке. Это займёт часа два. Тогда придётся ещё раз "позвонить" и сказать, что карета с принцем, вернее, с папой-надсмотрщиком задерживается. За эти три, вернее, уже два с половиной часа надо будет что-то придумать.

– Лелиа, подай мне шарф. Это родовой знак.

Бернарда полулежала в кресле, словно лишившись сил. Хулия крепче вцепилась в руку Лелии, едва не оставляя следы ногтей у неё на ладони. "Ещё же спиритический сеанс, чёрт

бы тебя побрал!", – хотелось заорать ей, но вместо этого с капризной истерикой она почти завизжала.

– Лелиа занята! Я ей гадаю!

Безвольная Лелиа, подавшаяся вроде вперёд по приказу кухни, снова обмякла, подчиняясь другому истерящему социопату.

– Я принесу, – вызвался Раймондо.

– Нет!

Вся лень с Бернарды слетела, она вцепилась в ручки кресла и прожигала глазами Лелию.

– Кто создаёт новые линии для новых миров, не должен идти старыми путями!

– Что?

Спросили одновременно все. Только Хулия с действительно громадным изумлением. Такой фразы в рассказе не было точно. Бернарда встряхнула головой, как собака, отряхивающаяся от воды.

– Нельзя, чтобы к родовым символам прикасался посторонний!

"Так оторви задницу от кресла, и сама подойди к окну!", – захотелось заорать Хулии, пока она чувствовала, как ладонь Лелии освобождается от её хватки. Только бы такой выкрик ничего не дал. На такое можно ответить тысячью способов и самым действенным – изобразить "это глупое дитя ничего не понимает". Потому Хулия завизжала (слёзы и хохот в одном флаконе):

– Нельзя? Нельзя?

Она бросила руку Лелии и побежала к окну. "Новые пути для новых миров"? Если это новый мир, значит он реален и если Хулия сейчас выпадет из окна, то погибнет тоже по-настоящему. Как же выглядит эта чёртова ловушка? Последний Альварес изготовил для последнего Сальваторе, а эта чокнутая Бернарда нашла и снова приспособила, но для того, чтобы поймать кухню.

"Что бы ты ни делал, делай быстро". Она пробежала по дуге. Так, что окно постоянно находилось сбоку. Что убило Лелию? Какой-то механизм? Яд? Она пробежала мимо окна как метеор, выставив руку и не слишком полагаясь на то, что успеет схватить белую тряпку. Но шарф был у неё в руках, а ноги уже несли её обратно, окно было целым, трещина по нему не прошла.

– Нельзя! Нельзя! – напевала она.

– Ах ты, мелкая дрянь!

Бернарда вскочила и побежала за ней. Кто-то сзади завизжал. Лелиа. Хулия остановилась у входа в комнату и оглянулась. Запнувшаяся Бернарда всплещивала руками, Лелиа визжала. Гастон наконец сообразил и бросился Бернарде на помощь. Но она уже летела спиной вперёд. Всё замедлилось. Хулия чувствовала, как шарф скользит из её руки. Она видела, как большая трещина проходит по стеклу окна задолго до того, как Бернарда коснулась его. Стекло было толстым, оно бы выдержало вес Бернарды, но стекла уже не было, оно осыпалось крупными осколками. Бернарда не издала ни звука. Она продолжала лететь спиной вперёд, и Хулия увидела, как последний раз всплеснули её руки. Визжала Лелиа. Гастон смотрел в разбитое окно вниз на первый этаж, одной рукой он держался за стену, другой закрывал себе рот.

Надо посмотреть, что делают остальные, мелькнуло у Хулии в голове. Но она не могла отвести взгляда от разбившегося окна. Потом она осознала, что заворожённо идёт к разбитому окну, чтобы самой увидеть внизу то, что ожидала. Люди не могут отвести взгляда от несчастных случаев. Чистая биология: человек должен быть уверен в том, что именно случилось и не грозит ли это опасностью. Хулия знала, насколько ужасным будет зрелище и всё равно шла. Кружилась голова и она подумала о том, что может не удержать равновесия перед разбитым окном и выпасть самой... Но это было не головокружением, это была знакомая невесомость в рёбрах.

Хулия сидела на постели. "Интересно, они увидят, как я испарюсь, или подумают, что я испугалась и сбежала? Существует ли что-нибудь за пределами их бесконечных повторов, существуют ли они сами?". Она убила человека. Случайно, спасая другого. Плохого человека, скорее всего, убийцу. Но именно её действия вызвали этот финал. Новые миры. Миры, где Хулия больше не следователь, а судья и палач. Кто-то сейчас безумно хохочет над ней.

Книга валялась на полу. Она подняла её, и пролистая до "Невидимки".

– Почему девочку-подроста зовут Лола? – спросила она воздух. А потом до неё дошло.

– Дядя Ансельмо, книга изменилась.

Он схватила книгу и побежала в общие комнаты, молясь по дороге, чтобы никто не догадался, кто такая Лола.

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

Тот, кто живёт у моря, знает ощущение, которое возникает на берегу – желание сесть на корабль и оказаться где-то далеко, за горизонтом. Море похоже на шёпот искателя приключений, который обнимает тебя за плечи и обещает нечто прекрасное, захватывающее, что находится совсем рядом, стоит только выйти за порог. На каком бы берегу ты ни находился, море всегда тебе шепчет, что ты должен оказаться на другом.

Когда Хулия только приехала летом, она не могла отвести взгляд от рыбацких лодок, вытасненных на берег. Одним своим существованием они бросали вызов всему туристическому антуражу пляжа, они были напоминанием, что туристы тут только гости, а море создано для тех, кто здесь живёт, кто будет выходить в море, когда тёплые дни пройдут и задуют северные ветры. Теперь она любила сидеть на пляже и сверлить глазами горизонт. Она не была частью этого места, лодки не знак того, что она станет частью Ками де Мар, просто оставшись на год, увидит зимние дни. Она впервые отчётливо ощутила, что, возможно, её берег не здесь.

Шли дни, она много раз перечитывала «Рассказы без конца», но и не думала погружаться в какой-либо из них. Чувство вины перед Санчесом исчезло. Что она делает, когда решает какие-то загадки? Сокращает звенья цепи, на которую он посажен? Это всего лишь означает, что он будет сидеть на более короткой цепи, станет всё меньше событий и мест, где Санчес может оказаться.

Растерянность постепенно стала сменяться злостью. Она не совершила ничего плохого, она всего лишь попыталась спасти одного из персонажей. И не обязана ощущать вины за случайную смерть другого. Кто-то или что-то играло с ней. «Кто-то», – поправила себя Хулия.

Это было её приключением, подарком судьбы за хорошую учёбу. Компенсацией за то, что целый год ей придётся провести в совершенно новом месте. Приключением, которое будет похоже на компьютерные игры: она решит цепь загадок, освободит человека, и, возможно, когда-нибудь выяснит, что есть другие пленники книг. Никаких объяснений, никакой подоплёки, просто некий физико-магический закон вселенной, на который она случайно наткнулась. Но мир всегда был сложнее. И волшебство, её волшебство было частью громадного сложного мира. Хулия чувствовала, что что-то в её душе перещёлкивает: она не собиралась отдавать волшебство, своё волшебство, свою историю, своё приключение.

Она листала страницы «Рассказов без конца» и чувствовала, как миры, заключённые в страницах, зовут её. Она не погружалась в эти миры не из страха, она решила в этот раз навязать кому-то, кто затеял с ней игру, собственные правила. Больше всего она боялась, что в какой-то момент эта тяга исчезнет, для игры изберут кого-то более стоворчивого. Но пока всё было наоборот, Хулии казалось, что её упрямство притягивает миры книги как можно ближе к её собственному. Она не удивилась, когда магический мир сделал первый шаг. Перепугалась, но не удивилась.

С момента её последнего погружения в книгу прошло больше недели. Она шла по улице Сегур, прикидывая, стоит ли зайти в кафе, чтобы поесть мороженого или дойти до автобусной остановки, чтобы за полчаса доехать до Кастийо де Сантьяго, где в книжном магазине можно было купить подержанные книги, даже на английском, за 5 евро – три штуки. Когда её окликнул по имени молодой мотоциклист, припарковавшийся перед тротуаром, она сперва подумала, что это кто-то из её мадридских знакомых, ведь за три недели в Ками де Мар она так и не завела друзей. Только подойдя чуть ближе и внимательнее приглядевшись к парню, она вдруг поняла, что он – с другой стороны. Впервые её посетила мысль, что «на той стороне» всё несколько иное. Ярче, чем в реальной жизни, вещественнее, чётче. Парень походил на картонную фигурку, которую вырезали и положили на страницу выцветшего комикса.

Он протянул ей разукрашенную бумажку.

– Сеанс будет минут через сорок. Мне велели передать, что вам действительно стоит посмотреть этот фильм.

У него было продолговатое смуглое лицо, тонкие черты лица. Какая-то часть сознания Хулии пыталась её убедить, что всё ей только кажется, она ждала, что иной мир выплеснется в её реальность и теперь она попросту принимает за посланца иного мира какого-то распространителя бесплатных флаеров. Но пока она смотрела в его лицо, пытаясь понять – человек ли он или нет, злость, накопившаяся в ней за прошлую неделю, прорвалась наружу.

– Кто вы все, чёрт бы вас побрал, такие? Что именно вам от меня нужно?

Лицо парня стало злым, он отстранился.

– Поговорим после фильма.

Лёгкий спортивный мотоцикл издал рёв, который явно никто от него не ожидал, и спустя пару мгновений Хулия смотрела в спину уезжавшему мотоциклисту. Шлем он не носил, длинные его волосы развевались за спиной, и Хулия задалась вопросом: как это существо из иного мира отреагирует, если его остановит дорожный полицейский? Ещё интереснее: как отреагирует полицейский?

Бумага в её руках была кинобилетом. Серебряная бумага, рисунок бобины с кинолентой и адрес. Идти до места предстояло от силы минут десять. В детстве она любила смотреть старый фильм «Последний герой боевика». Но что-то в этом фильме её всегда не устраивало. В какой-то момент она поняла и стала смотреть только начало. В завязке было всё, что делало фильм увлекательным для неё – таинственный золотой билет, сеанс в кинозале только для одного человека. Когда герой погружался в оживший фильм, она выключала проигрыватель. Что-то настолько безумно волшебное не должно было быть завязкой к лёгкой поп-корновой комедии.

Умнее всего, было не идти по адресу. Одно дело, когда она была в волшебных рассказах, совсем иное – в реальном мире. Здесь действовали иные законы, более грубые, более неприятные. Отлично, сказала Хулия самой себе, я считаю, что в детективных рассказах, где почти на каждой странице кого-то убивают, действуют более милые принципы людского сосуществования, чем в реальном мире.

Она шла медленно. Мысли о том, куда она идёт, вызывали слишком неопределённую бурю эмоций. И внезапно она поймала себя на том, что думает о парне-мотоциклисте. Те девушки, которые говорят, что ни разу не рассматривали знакомых парней в качестве романтических объектов, отчаянно врут. Подруги, кинофильмы, вся масс-культура твердит девушкам, чтобы они обязательно влюблялись в самого симпатичного из окружающих ровесников. Ну, в лучшем случае, бросали эгоистичного красавчика, чтобы одарить любовью храброго и ответственного главного героя. Потому что с красавчиками симпатичные девчонки встречаются не из-за любви. Наверное. Хулия подумала о том, что сотня с чем-то там лет феминизма ничего не изменила, женщины как были, так и остались призом самому крутому из близлежащих парней. Чувства девушек должны быть побоку, влюбляться надо только по сюжетной необходимости.

Мотоциклист отлично подходил под клише «романтический интерес героини». Симпатичный, точно магического происхождения, а ещё явно нерасположен к «главной героине», чтобы полностью отыграть клише «ненависть, которая сменится любовью». Правда, у Хулии быстро возникли претензии ко всем трём пунктам. Мотоциклист определённо был красивым парнем, но, если бы всё происходящее было фильмом, а Хулия занималась кастингом, она бы отвергла парня, не задумываясь. Парень не был красавчиком из молодёжных драм, скорее, что-то из артхаусных фильмов, слишком холодная, классическая красота. Длинные прямые каштановые волосы с лёгкой рыжиной, тонкий нос, идеальные скулы, смуглая кожа, тёмно-зелёные глаза. Где, спрашивается, обещанная соблазнительная голубоглазость и пухлые губы? Также Хулия не могла объяснить себе, почему решила, что парень является магическим существом. Насколько бы она заметила его отличие от других, если бы не видела мир «Рассказов без конца»? Да и третий пункт не был таким уж определённым. Да, он вёл себя недружелюбно,

но при этом не был самоуверенным и самодовольным. Вполне возможно, что он просто среагировал на неприкрытую враждебность девушки.

Мысли о красавчике мотоциклисте помогали не думать о том, что её ждёт по адресу. Она неосознанно замедляла шаги, готовясь к тому, что увидит, когда придёт. Она увидела полукруглый выпирающий козырёк, на котором было написано (стиль шрифта – ар-деко, без сомнения) крупными зелёными буквами «Артезия». Окна заведения забраны щитами. На одном изображена девушка с чёрными кошачьими ушками и хвостиком, а также узнаваемым оранжевым «нимбом» вокруг головы, на втором модный кролик в джинсах и свитшоте, при этом в красном гальском кушаке и старинном картузе².

Выставленные у заведения столики не оставляли сомнения в том, что несмотря на претенциозное название и оформление, это всего лишь летнее кафе. Стоило зайти внутрь и сомнений не оставалось. Помещение было тёмным, так как окна были забраны щитами, и освещалось только разбросанными по столам недорогими лампами (тот же стиль ар-деко), но в одном конце помещения располагалась стойка кафе с выставленными в стеклянных витринах-холодильниках уже подсохшими пирожными, из-за чего любые попытки придать, хотя бы и в воображении, месту таинственности, должны были спотыкнуться, если и не о написанное мелом меню, то хотя бы о скучающее выражение лица девушки за стойкой, которая, не слишком скрываясь, слушала плеер. В глубине помещения дверь вела, судя по всему, в небольшой кинозал. Около двери стояла ещё одна девушка, что-то рассматривающая на своём телефоне. То, что на ней была красная жилетка, должно было подсказать, что она проверяет билеты. Хулии вспомнилась цитата из любимого рассказа: «Это совсем не то, что я ждала от неожиданного».

Справедливости ради, кафе было вполне хипстерским. Стены были забиты стеллажами и полками с книгами, хотя прочитать название в таком полумраке было сложновато. Запах крепкого кофе почти сбивал с ног. У билета не оторвали корешок, кажется, девушка на входе даже не слишком обратила внимание, на демонстрацию билета и какой-то бесёнок внутри Хулии прошептал, что в крайнем случае можно этим воспользоваться и при особой надобности войти вообще без билета, лишь продемонстрировав что-нибудь блестящее. Вместо рядов сидений, в зале были мягкие кресла, расставленные в почти хаотическом порядке и несколько диванчиков. Хулия быстро облизала губы, понадеявшись, что кинотеатр исполняет свою главную функцию – показывать фильмы, а не является местом для свидания парочек.

В зале уже сидело несколько человек. Кто в самом деле не обращал внимания, кто с деланным равнодушием оглядывался на Хулию, когда она проходила мимо. В целом, она немного вписывалась в антураж. Зрители были как раз её возраста. Разве что волосы у них были выкрашены в более радикальные цвета, чем скрученные темно-русые прядки Хулии. Многие были в очках, что лишней раз подтверждало: они пришли посмотреть нечто интеллектуальное. Или подтверждало то, что в наши дни контактные линзы носят далеко не все. Порой детективные наблюдения могут приводить к самым простым результатам.

Хулия выбрала кресло поближе к экрану и достала телефон. Если бы она не ожидала, что по адресу её ждёт, как минимум, маскарад фэйри с оживлёнными манекенами, разносящими прохладительные напитки, она бы загнула адрес намного раньше. «Артезия», как она и предполагала, позиционировал себя как центр искусств. То, что такое заведение располагалось в курортном городке было необычно, но обладало своей логикой. Далеко не все молодые люди, живущие в курортных городках или приезжающие сюда отдохнуть, хотели бы проводить время только в клубах или на пляже.

Самой Хулии нравились фильмы или книги, которые относились к Высокому Искусству. Но в школе она не принадлежала к компаниям молодёжи, которые проводили время в обсуж-

² На витринах «Артезии» стилизованные, но вполне узнаваемые образы знаменитых парижских кафе «Чёрный кот» и кабаре «Проворный кролик».

дении философских идей и архаусных фильмов. Ей казалась их преувеличенная серьёзность чем-то инфантильным – те же попытки играть во взрослых, только более изысканные, чем у тех, кто спешил попробовать всё то, что запрещено детям. После пары попыток в этих компаниях покритиковать кого-то из «признанных» (потому что сдержанность и умение вовремя молчать не относились к числу её достоинств или пороков), и после того, как эти попытки были грубо оборваны собеседниками (деликатностью и умением прислушиваться к чужому мнению они тоже не обладали), Хулия предпочитала держаться подальше и даже втайне называла любителей «искусства не для всех» – недлявсерость.

На сайте было сказано, что сегодня в кинозале демонстрируют инди-фильм «Колодец». Никаких иных данных о фильме не было. В «Рассказах без конца» была одна история, посвящённая кинотеатрам. Герой смотрит разные фильмы, замечая указания, какой фильм ему смотреть следующим. Так в последнем фильме он видит некий полузаброшенный дом, понимает, что это указание на дом, который находится на окраине его города. Он приходит на место, заходит в дом и эпизод на этом заканчивается. Сколько прошло времени между этим эпизодом и последним не сказано, хотя, судя по изменившейся погоде, не менее недели, если не месяц. Описание идёт так, будто читатель превратился в око кинокамеры. *«Ступени ведьминого дома завалены пожухлыми листьями. Трещина на штукатурке дала поросль веток и стала достигать окна. Дом скрыт в вечерних сумерках. Проём двери тёмн, но внутри дома не так темно, как может показаться снаружи. По дому иногда проносится ветерок, но тишина всё равно столь плотная, что движение воздуха не ощущается. Балки у ведьминого дома крепкие, они не скрипят, даже не смотря на груз, подвешенный к одной из них. Несмотря на спокойствие в доме, тело Аугусто постоянно раскачивается, будто дом в центре неощутимого землетрясения. Глаза Аугусто застыли, но на лице по-прежнему читается блаженное выражение»*. Хулия повела плечами, сейчас был не лучший момент, чтобы вспоминать этот эпилог.

Мотоциклиста она почувствовала раньше, чем услышала. Он прошёл где-то за её спиной, потом сел в одно из кресел в центре зала – если оглядываться, то Хулия могла его видеть. Но всё равно её угнетало то, что он не находится прямо в её поле зрения.

В зале не выключили весь свет, как это бывает в больших кинотеатрах, скорее, свет стал серым. Тихие разговоры в зале смолкли. Судя по всему, колонок было несколько, по окружности всего зала. Аудиодорожки у музыкального трека были разнесены в разные стороны и раздавались со всех сторон. От этого становилось очень тревожно и некомфортно. Хулия с удивлением узнала в начальном треке «Испанский караван» группы Doors.

Так как фильм содержал музыкальное сопровождение и случайные фразы людей на улице, но не реплики персонажей, сюжет фильма приходилось вычленять интуитивно. Как поняла Хулия, повествование шло от лица некоего существа, которое в первых кадрах вылезало из колодца. Камера ни разу не показывала руки (или лапы) существа, а также его тело или лицо, но вряд ли это был человек, так как двигалось оно по колодцу слишком громадными для человека рывками.

Выбравшись, существо оказывалось в городе. В какой-то момент Хулии стало так страшно, что внутренности похолодели. Она оглянулась на других зрителей. Наверное, остальные были слишком молоды, чтобы понять несоответствие, какая-то девушка исподтишка снимала экран на телефон, другая деловито что-то писала в тетрадке, несколько человек переговаривалось очень тихим шёпотом. Мотоциклист, который развалился в кресле и смотрел фильм, опершись локтём на подлокотник кресла, и положив руку под подбородок, заметил её взгляд и слегка приподнял брови – вполне приятельский жест, мол, что случилось? Хулия снова повернулась к экрану. Это инди-фильм. С крохотным бюджетом. Так как у кого-то хватило денег переодеть весь город по моде 70-х годов?

До этого момента она никогда не пыталась расчленить фильм, смотреть не на сюжет, а на операторские приёмы, режиссёрские находки. С одной стороны, обнаруженное её слегка упо-

коило, с другой – ещё больше поразило. Это был художественный фильм, а не документальная съёмка. Длинные планы, съёмки с высоты птичьего полёта, определённые жанровые сценки, которые попадали в объектив камеры, пока существо шло по городу. Самым странным было то, что, хотя город точно был испанским, город опознать она не могла. У прохожих проскальзывали каталонские, галисийские слова. Город был очень большим, что становилось понятно, когда камера поднималась на высоту птичьего полёта. Намного больше Мадрида.

В конечном счёте, стало понятно, что существо следит за мужчиной в коричневой куртке. Коричневый, в свою очередь, следил за какой-то женщиной, временами сжимая нож, что не оставляло сомнений в его намерениях. Вечером Коричневый оказался около окна женщины, которая, не зная об опасности, совершала бытовые дела. Раздался свист. Из-за необычной акустической системы кинотеатра, Хулии показалось, что свистят у неё за спиной. Коричневый резко обернулся. Его взгляд рыскал вокруг, но несколько раз проскальзывал мимо камеры, судя по всему, существа он не видел. А существо, меж тем, приближалось к Коричневому. Камера сосредоточилась на одном из глаз Коричневого, глаз становился всё больше, пока не занял весь экран, словно существо погружалось в зрачок, будто в колодец. Полёт куда-то, кадр сменился. Большой, мрачноватый дом.

Хулия засунула ладони подмышки. Ведьмин дом она представляла совсем не так, но дом на экране вполне мог бы быть им. В окнах дома кто-то мелькает. Камера отъезжает, около дома ходят жандармы, лениво переговариваясь, хотя их слов вообще не слышно, всё заглушает мистическая музыка, мрачноватая, но с вполне очевидными испанскими мотивами. Один из жандармов Санчес. Снят довольно далеко, но это точно он. Он остановился и болтает с кем-то из приятелей.

Внезапно кадр сменяется и начинается полный сюрреализм. Причём под музыку народного танца. Явно, что на создателя оказал влияние Сальвадор Дали. Слоны на тонких ногах, стекающие часы, монументы, которые распадаются на части. Лицо Коричневого, которое искажено страхом. Коричневый, спиной вперёд, летит в какой-то колодец. На этом фильм заканчивается. Никаких титров нет.

Раздался щелчок и свет снова стал ярким. Хулия поднялась и подошла к мотоциклисту.

– Фильм закончился. Время вопросов. Кто ты?

Тот лениво поменял свою позу, откинулся на спинку кресла.

– Можешь называть меня Лукас.

– Мне это о многом сказало, несомненно.

Он медленно поднялся, чуть подвинув девушку, так как она стояла слишком близко к креслу.

– Можем пойти в кафе и поговорить. Только давай не здесь, не в «Артезии». Но и не далеко, мне потом ещё возвращаться к мотоциклу, я его поставил на соседней улице.

Они расположились в кафе «Звезда на волне» в паре кварталов от «Артезии». Когда они вышли из «Артезии», не сговариваясь, повернули и пошли в сторону моря. Ками де Мар имел два полюса притяжения – море и остатки крепости на холме. И любой человек, как намагниченная стрелка стремился к одному из этих ориентиров.

На солнце набежали облака и подул ветер, обдавая запахом йода уставшую от жары кожу горожан. Хулия и Лукас заняли один из столиков снаружи и заказали минеральной воды. Некоторое время молчали, как бы продолжая то безмолвное мировое соглашение, к которому пришли, когда вместе шли до кафе. Хулия тихо постукивала носком кроссовки по ножке стола. Для таких разговоров, как этот, не существовало правил этикета, а парень не собирался облегчить ей задачу и заговорить первым. Наконец, она решилась сказать что-то первой.

– Это было нечто вроде мультфильма. Фильм, что мы видели. Это как-то нарисовано. Очень реалистично, но нарисовано.

Парень легко отозвался.

– Думаю, это параллельный мир. Нет, представления не имею какой. Но, думаю, какой-то такой, что там легко получить разрешение на съёмку в городе прохожих, которые не вовлечены в кинопроцесс.

Хулия пару раз укусила нижнюю губу, раздумывая, пока не поняла, что парень разглядывает её и она выглядит глупо.

– Кто ты? Что это был за фильм? Зачем мне требовалось посмотреть его?

– Прости, но ты сейчас выглядишь так, что через пару секунд будешь кусать не губу, а перегрызёшь мне горло. Если я скажу, что у меня нет ответов на твои вопросы, ты в меня бутылку содовой не запустишь?

– Всё может быть. Уверена, что сейчас мою кровь вполне можно выразить в тротиловом эквиваленте. Давай начнём по порядку. Ты не можешь не знать, кто ты.

– Это я знаю, просто тебе это знание не слишком поможет. Наверное, можно сказать, что я человек. Хотя сам я в этом сомневаюсь. Я очень редко бываю в твоём мире или живу в нём.

– И где ты живёшь сейчас?

Лукас указал куда-то вниз, в сторону асфальта.

– В аду, – заключила Хулия.

– В тоннелях под городом, – мягко поправил он. – Хотел бы сказать, что это загадочное и таинственное место, но больше всего тоннели похожи на технические подвалы под многоквартирными домами. Представления не имею, кто и зачем их строил, но выглядят они запущенными. Не беспокойся, не испачкаешься, когда я выхожу по утрам, принимаю душ на пляже.

– Кто велел тебе передать мне билет?

Парень поднял ладони, словно пытался затормозить поезд.

– Остановись. Хорошо? Меня мучает любопытство не меньше, чем тебя. Я отвечаю на твой вопрос, а ты взамен отвечаешь на мой. Я не меньше хочу узнать, кто ты.

Она на самом деле остановилась. Перевела дыхание. Отпила минералки. Вблизи очарование парня уже не было таким уж сногшибательным. Его красивому лицу подошло бы выражение надменности, презрения к окружающим. Напротив, Лукас был мягок и спокоен, даже слегка безмятежен. Он походил на красивого ленивого кота, свернувшегося на солнце. На такого кота, кто и забыл про свою хищную породу и растерял дикую притягательность.

– Хорошо. Договорились. Прежде, чем я сама скажу тебе, кто я, сперва скажи, что ты обо мне знаешь.

– Что тебя зовут Хулия. Что ты днём ходишь по улице Сегур. Хотя бы изредка, потому что я ждал там тебя три дня. И что ты ходишь по путям.

– Теперь поподробней. Что такое пути?

Он улыбнулся, потом начал улыбаться всё шире и шире, явно ожидая её реакции на свой ответ.

– Я понятия не имею.

Хулия набрала воздух, выпустила. Ещё раз.

– Вопрос вне очереди: не будешь ли так любезен, чтобы просветить, каким способом лучше всего таким существам, как ты, наносить болезненные травмы?

Он уже откровенно хохотал.

– Слушай, спокойней. Я понимаю, что тебе, наверное, совершенно не смешно, но ты так забавно злишься, когда не получаешь ответы. Прости, но я в самом деле не знаю. Давай так, я расскажу, что знаю, ты потом задашь вопросы, если появятся. Попробую объяснить, хорошо? Представь, что ты не можешь отойти дальше, чем на сотню метров от этого места. Это будет тем, что я называю локацией. Люди будут проходить мимо тебя и спокойно идти куда угодно. Это их мир, но для меня – локация. Ты можешь миновать границу локации, но ты окажешься не там, где остальные люди. Я... слушай, я не смогу объяснить, даже если попытаюсь. Там

всё изломанное, воздух изломан. Ты должен сделать нечто мысленно, я не знаю, что именно, то есть знаю, но не могу выразить словами. Словно поймать ускользающую мысль. Тогда ты сможешь оказаться в новой локации. Легко перемещаться по тем локациям, которые знаешь, но иногда можно найти новые.

– А как ты попал в реальный мир?

Лукас кривовато улыбнулся, словно сейчас расскажет отличный, хотя и не совсем приличный анекдот.

– Кто тебе сказал, что я попал в него?

Хулия неуверенно обвела рукой улицу, людей, небо, с которого ветер прогнал облака.

– Это реальный мир.

– Для тебя реальный. Для меня – локация.

– Ты же можешь отойти на сто метров.

– На сотню метров – могу, выйти за пределы города – нет.

Хулия смотрела на пёстро одетых людей, которые проходили мимо. Парочки, семьи, друзья. Улыбки, взрывы смеха. Жить в курортном городе, это всё равно, что жить на вечном карнавале. Их жизнь реальна, наполнена радостью. Можно встать из-за столика. Пойти вместе с ними. Не продолжать этот странный разговор. Желание сбежать от неприятностей, оставить себе пути обхода – ещё одна чисто человеческая черта.

– Кто велел тебе передать мне билет?

Лукас сделал жест как фокусник, чуть повернув ладони, что должно было означать, что он развёл руками.

– Есть одна локация. Я называю её Лабиринт. Лабиринт... лабиринт редко выглядит одинаково. Довольно часто он является библиотекой со стеллажами, забитыми книгами, – Лукас посерьёзnel. Он смотрел куда-то мимо неё, словно сейчас он пропускал сквозь сердце все те локации, все те воспоминания, которые были связаны у него с прошлым. – Я всегда считал, что эта локация центральная. Я пытался дойти до центра лабиринта, но не уверен, что это возможно. Когда лабиринт становится библиотекой, там появляются служащие. Они одеты как монахи. И отвечают на вопросы ещё хуже, чем ты, – он, наконец, посмотрел на неё и снова заулыбался. – Несколько дней назад один из служащих сказал мне, что для меня есть письмо. Конверт лежал на одном из стеллажей и был подписан моим именем. Там был билет и твоё фото.

Лукас порылся в нагрудном кармане своей бледно-зелёной спортивной ветровки и бросил на стол блокнот, который принялся сразу же листать. Потом протянул ей её же фотографию. Хулия аккуратно взяла карточку в руки. Снимали явно не цифровым аппаратом. Цвета нереалистичны. В жёлтых и зелёных оттенках слишком много ядовитой зелени. Но этих цветов на фото маловато. Хулия испуганно оглядывается, стоит на фоне стены. Бордовые брючки, красно-белая водолазка без горла. Скорее всего, её первое погружение в рассказы. Она протянула фото Лукасу. Но тот развернул его и протянул обратно.

– На обороте. Твоё имя, фамилия. «Отдай билет Пролагающей пути». И название улицы. И никаких указаний, где и как тебя там искать. Я приходил к одиннадцати утра и ждал до семи вечера. Ненавижу тех, кто рано просыпается, решил, если ты бродишь по улице в семь утра, то обойдёшься и без билета в наказание. Да и всё равно я не мог там дежурить круглыми сутками. Я был уверен сегодня, что ты уже не придёшь и пропустишь сеанс.

Хулия снова протянула карточку ему обратно.

– Интересно, кто и как мог меня заснять...

– Слушай, мы вроде договорились. Теперь моя очередь задавать вопросы.

Хулия кивнула.

– Всё началось с книги...

Хулия собиралась что-нибудь утаить. Хотя бы то, что Санчес застрял в рассказах, но внезапно рассказала и это. В какие-то моменты она думала о том, что если Лукас врёт, то он и так знает эту историю. Если не врёт, то нет смысла таиться и самой пытаться что-то скрывать. Но это не имело значения. Секрет, который несколько недель жёг ей язык и нёбо, наконец мог выпорхнуть и перестать рвать её на части изнутри, пусть лучше он достаёт кого-то другого. Наконец, она говорила с другим человеческим существом (или хотя бы частично человеческим), благодаря чему могла сама оценить, как именно звучит её история. В какой-то момент Лукас достал гелевую ручку и принялся что-то строчить в блокноте.

– Это похоже на то, с чем ты сталкивался? – наконец закончила она.

Тот медленно, не отрывая взгляда от блокнота, отрицательно мотнул головой.

– Не то, чтобы я со многим сталкивался, но такого даже себе не представлял.

Он что-то подчёркивал, перелистывал страницы. Хулия почувствовала, как возвращается раздражение.

– А со сколькими событиями ты сталкивался? Сколько тебе лет?

Он поднял на неё глаза.

– Пятьдесят четыре.

– Сколько?

– Не у всех бессмертных возраст составляет трёхзначные цифры.

Он ещё некоторое время смотрел на неё, видимо, ожидая реакции, потом снова вернулся к записям. Хулия решила, что из всего произошедшего сегодня последняя информация была самой невероятной.

– Ты врешь. Ты выглядишь младше меня.

– А сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Ха! Тогда ты ошибаешься, я выгляжу на семнадцать, уверен.

– Ты ведёшь себя так, будто тебе тринадцать, придурок!

Лукас аккуратно дописал что-то в тетради и отложил ручку.

– Слушай, давай не ссориться. Я понимаю, что у меня богаче опыт столкновения со сверхъестественным, потому я могу не так остро реагировать на происходящее. У меня нет синдрома Аспергера или чего-то в этом роде, но я не часто практиковался в общении, если что. Если я тебя задел или что-то такое, то я не хотел. Я много читаю, смотрю кино. Но заводить какие-то дружеские связи, даже в локациях, которые являются частью какого-то мира, не просто. А тем более в тех, которые существуют автономно. Но мне пятьдесят четыре. Я знаю свой возраст и следил за изменением времени.

Хулия молча некоторое время смотрела на него. Дело было не в том, что он выглядел как подросток. Он был подростком. В чём-то наивнее, чем сама Хулия. Она искала в нём нечто иное и, быть может, только воображала, но, кажется, находила. Какую-то жёсткость, умение противостоять. Нечто, что, возможно, он даже сам в себе не хотел признавать.

– Ты можешь врать, – наконец тихо сказала она.

– Могу. Но не вру. Локации меняют тебя, я такой потому, что живу вне этого мира, – так же тихо ответил он. Он протянул ей открытую ладонь. – Мир?

Она пожала ладонь.

– Мир.

Рукопожатие вышло не крепким, но долгим. Как только ладони расцепились, он снова хватил тетрадку.

– Смотри, я записал сюда несколько вопросов. Первый: «Зачем Паскуале пришёл ночью к дому Хорхе?».

– Не знаю. Наверное, что-то украсть. Не зря Хорхе начал избивать его.

Лукас кивнул и продолжил.

– Если Эрман умрёт, долги издательства не исчезнут. Значит, есть нечто ещё, дополнительная сюжетная линия. Но локация не давала на это намёков. Третье: почему Бернарда была уверена, что на неё не падёт подозрение? Четвёртое: изменился ли рассказ только в твоей книге или во всех копиях? Понимаешь, все рассказы, которые ты пересказываешь, они очень похожи именно на рассказы, выдумку, где не все детали продуманы. С другой стороны, мои локации существуют реально, я могу в них есть, спать. Но и ты тоже ела во второй локации. Пятое: где твоё тело, когда ты в локации? Ты погружаешься в локацию полностью или твоё тело остаётся в твоём мире, и ты лишь теряешь сознание? И, кстати, не записал, но мне интересно: как твой дядя отреагировал на то, что книга изменилась?

– Я сказала ему, что видела сон. Я держу под подушкой лампочку от того механизма. Показала, как изменилась книга и сказала, что это остаточные проявления механизма. Он обрадовался, но сказал, чтобы я убрала лампочку из-под подушки. Это всё слишком опасно, даже во сне. При этом вроде как даже не удивился, что его изобретение дало эффект. Слушай, я ведь тоже, наверное, изменюсь? Эти рассказы... мне кажется, они не слишком похожи на твои локации. Но это как в мифе про Персефону или в рассказах про эльфов – ничего нельзя есть, когда ты там оказываешься. А я ела...

– Можешь счесть меня самовлюблённым придурком, – Лукас указал на собственное лицо, – но так выглядеть – это не самое худшее, что может произойти в жизни. А если ты окажешься пленницей локаций, то явно не потому, что ты много в них бываешь. В конце концов, Санчес туда попал совсем по иной причине. Это, кстати, главный вопрос.

Он повернул раскрытый блокнот к ней. Среди остальных вопросов, этот был несколько раз обведён ручкой. «Почему Санчес стал пленником этих историй?».

– Смотри, предполагалось, что загадки решит именно он. Иначе не было смысла помещать его в эти истории. Но загадки смогла решить только ты. Они не такие сложные. Нет, я не хочу сказать, что ты не умная и что каждый бы их решил. Если ты говоришь правду, то это просто ошеломительно, как ты умеешь быстро ориентироваться в ситуации и щёлкать эти головоломки. Но он уже годами ходит по локациям, он бы смог решить эти истории простым перебором подозреваемых. Я не верю ему. И тебе бы советовал быть осторожней. Санчес может знать, почему он стал пленником локаций.

– Ты просишь меня не доверять ему, а какие у меня основания верить тебе?

– Никаких.

Он смотрел на неё прямо, не улыбаясь, но и не пытаясь придать лицу излишнюю серьёзность.

– У меня к тебе тоже есть ряд вопросов.

– У тебя есть сведения, чтобы расплатиться за ответы?

– Ты издеваешься?

Лукас передал ей ручку и блокнот.

– Сегодня я вернусь в Лабиринт. Кто-то дал мне поручение, я его выполнил. Я хочу получить награду. Если, разумеется, мне кто-нибудь её выдаст, потому что мне никто ничего не обещал. Если смогу, то вернусь завтра и отвечу на вопросы, пока запиши их мне.

– С чего ты взял, что завтра у меня будет больше сведений для торговли, чем сегодня?

Тот пожал плечами.

– К чёрту сведения. Я пошутил. В крайнем случае, перескажешь мне остальные рассказы из книги, вдруг что-то совпадает с теми локациями, что я знаю. Книгу таскать с собой не обязательно, думаю, она слишком ценная. На всякий случай, сделай копию. Если ничего не расскажешь, не беда. Больше обмена не будет. Я что-то расскажу или нет по своему желанию. Если, конечно, мы ещё встретимся.

Хулия взяла ручку. «Кто ты?», – это было первым вопросом. Ей казалось, что больше вопросов она не придумает, но они словно самостоятельно стали заполнять страницу: «Как ты

попал в локации, какие твои первые воспоминания? Что такое Лабиринт? Как он выглядит, кто в нём обитает? Какие локации ты знаешь? Что за тоннели под городом? Откуда у тебя мотоцикл? Ты что-нибудь знал раньше про фильм, который мы смотрели? Что-нибудь в нём показалось тебе знакомым? Что ты знаешь о тех, кто стоит за всем этим? Ты не мог не думать о том, что значат все эти локации, ты должен был пытаться найти тех, кто всем управляет. Ты знаешь тех, кто ещё путешествует по локациям?»». Она отдала ему блокнот и ручку. Он медленно прочитал написанное. Потом вычеркнул один вопрос, поднял блокнот и показал ей лист. Вычеркнутым оказался вопрос «Какие локации ты знаешь?»».

– На этот вопрос я не отвечаю. Это слишком личное. На последний вопрос ответ – нет. Я не знаю никого, кто ещё бы путешествовал по локациям. Я бы сказал, что ты первая, кого я встретил, но то, что делаешь ты, вообще не похоже на то, что делаю я. Про фильм – то же самое. Я видел его впервые и знаю не больше, чем ты.

Он запихнул блокнот в карман ветровки, из-за чего карман начал мгновенно оттопыриваться.

– Завтра в этом же ресторане в два часа дня. Если я не смогу прийти, я передам записку с официантом. С управляющим рестораном. С кем угодно. Если я не появлюсь, приходи сюда время от времени, спрашивай про записку для Хулии. Я постараюсь ответить на все твои вопросы. Это испытание не только для тебя, но и для меня. Почему-то мы должны искать ответы самостоятельно. Ты – на загадки из книги, я – для чего меня использовали в качестве курьера. Если я смогу тебе чем-то помочь, я помогу, от тебя подобного я не требую. Считаю, что я просто выполняю свой квест. Но сейчас я хочу в Лабиринт, за своей частью головоломки. Если ты хочешь спросить, что если мне запретят помогать тебе, и в этом и будет квест, то нет, я не собираюсь слушаться. Не потому, что ты так мне понравилась, а потому, что есть вещи правильные и неправильные. Помочь кому-то – правильно. И мне плевать, кто и что думает по этому поводу. Потому, если я не смогу прийти, я сделаю всё, чтобы помогать тебе хотя бы записками. Рад был познакомиться, Хулия. Надеюсь, наше знакомство продолжится.

Она снова подумала о том, насколько его улыбка похожа на улыбку ребёнка. Он махнул на прощанье рукой, перешёл дорогу и скрылся где-то в переулках, видимо, в поисках стоянки, где оставил мотоцикл.

Домой она шла как во сне. Улыбнулась дяде и тётке, сказала, что проведёт вечер у себя. Тщательно заперла комнату. Лукас забрал с собой блокнот с вопросами, но она помнила их и так. Где её тело, когда она в рассказах? Она установила телефон на штатив и включила видеозапись, карточки памяти должно хватить часов на пять. Села на кровать, открыла «Рассказы без конца». Она знала, какой рассказ хочет выбрать.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Между мной и мёртвых царством
выросла стена кошмаров.
Федерико Гарсия Лорка
«Память о любви»

Кинотеатр всегда казался Аугусто кораблём, который плывёт в густом тумане. Где-то слышатся голоса моряков, единственных созданий, порождённых самим этим туманом. И экран, как скважина в двери спальни красавицы. Аугусто завораживал мир, который открывался внутри мира. Корабль, который своими железными боками разрезает на части ночь и море и позволяет погрузиться в залитое огнями внутреннее безумие. Аугусто нравились поезда, которые пронеслись мимо заснеженных полей, создавая внутри мягких вагонов собственный микроклимат. Ему нравился кинотеатр, где в полной темноте стробически мерцающим лучом рассказывалась странная история, которая лишь притворялась жизнью, но не была ею.

Смена чёрно-белых кадров завораживала. Он редко пытался вникать в суть сюжета. Обычно он пропускал журнал перед фильмом, приходил и садился в зал, когда сеанс уже шёл. В голове его, в уютных комнатах памяти обрели убежище множество концовок, но почти никогда – середина или тем более начало. Темнота была убежищем, и он ходил из кинотеатра в кинотеатр, проводя так целые дни. Когда-нибудь, думал он, он окончательно потеряет разум, заблудившись в этих кусочках чужих историй, чужих фантазий.

Хулия тонула. Четвёртое её погружение в рассказы было наиболее безумным из всех. Её не было. Вокруг был текст. Он звучал вокруг неё, он звучал ею. Несколько раз она забывалась, теряла саму себя и смотрела на экран кинотеатра глазами Аугусто. Текст не развивался, не шёл вперёд. Он существовал неизменно и полноценно, отдаваясь колоколом в её ушах. Стоило начать вслушиваться в его звучание, и она забывала себя, оказывалась в третьем ряду, мёрзла в тонкой куртке, потому что Аугусто всегда мёрз. Она становилась им. Возможно, в этом и заключалась загадка этого рассказа, стоило на время стереть свою личность, чтобы понять другую.

Она попыталась закричать. Ничто не стоило потери себя. Горло не сработало, но её порыв не остался неознаграждённым. Она, наконец, осознала себя. Она сидела в седьмом ряду и смотрела в затылок Аугусто. У него были жидкие неопределённого цвета волосы, жидкая серость в свете луча кинопроектора. Чуть забудешься и ты окажешься в его сознании, глядя на экран, пытаясь чужими фантазиями заполнить собственную пустоту.

«Хулия», – сказала она самой себе, – «меня зовут Хулия Габриэль Торрес. Мне шестнадцать лет. У меня каштановые волосы и идиотская причёска под 80-е. Я очень худая и невысокая, потому все считают, что мне четырнадцать. Я классная и красивая, все так говорят. Я не хочу тут находиться, мне страшно». Она вцепилась в спинку сиденья впереди себя. Бледные тонкие пальцы. Она попыталась сосредоточиться на них, преодолеть давление, под которым она очутилась. Она ощущала сопротивление, будто язычок нежелающего открываться замка. И вдруг что-то бесшумно щёлкнуло. Текст сменился, она оказалась в ином временном периоде.

Она не давала тексту зазвучать в своей голове, чтобы не поддаться его очарования. Она знала, что сейчас Аугусто увидит на экране: граффити с надписью «Ува в красном». Он жадно досмотрит фильм до конца и выйдет потрясённый, пойдёт бродить по городу, бережно перебирая собственные воспоминания, не в силах понять, что было правдой, а что нет. Он заснёт на ступенях церкви, так и не дойдя до дома, будет видеть во сне какие-то безбрежные луга, и проснётся только утром, забыв в каком кинотеатре он был, так и не сможет его найти

и понять, как назывался фильм, который он видел. Но он найдёт кинотеатр, где показывают фильм «В красном», с которого он продолжит свою горькую эпопею.

Хулия уставилась на экран. Она повторяла себе своё имя, чтобы не забыть, не оказаться в сознании Аугусто. Его сознание было разрушено, и она понимала, что тонкая грань, прозрачней паутинки отделяет его от безумия. Но если надпись будет, это будет означать, что данный рассказ не о безумце Аугусто, что слова, которые гонят его искать совпадения, в самом деле есть и что-то значат для него. Надпись была. Фильм был чёрно-белый, но воображение Хулии сделало эту надпись на углу кирпичного дома тёмно-коричневой, почти бордовой. Она почувствовала эмоциональный толчок, когда Аугусто приподнялся над сиденьем, вчитываясь в надпись, которая его потрясла. В это мгновение Хулия осознала, что текст создаёт Аугусто, каким бы образом это ни происходило. Его латентное безумие делало Аугусто столь сильным, что он втягивал в своё мироощущение, в собственную голову. И если подчиниться ему, ты окажешься в голове безумца, ты сам сойдёшь с ума.

Хулия чувствовала как сиденья, которые нельзя было откинуть, бьют ей по обратной стороне коленей, пока она пробиралась к выходу. Она пыталась думать только об этой лёгкой боли, сосредоточиться на СВОИХ ощущениях. Когда она выбралась из зала, то остановилась, упёрлась руками в бедра и стала дышать, как человек, только что вынырнувший из омута. Держась за стенку, она сделала пару шагов к выходу из кинотеатра. Задержалась, потому что рядом с дверью в кинозал висел плакат, видимо, того самого фильма, который сейчас смотрел Аугусто и чьё название так никогда и не узнал.

На плакате была изображена женщина в разорванном платье (хотя все непристойные места предусмотрительно оказались прикрыты), убегающая от невидимого преследователя. Фильм назывался «Дрожь духа». Хулия слабо удивилась стилю, в котором был нарисован плакат, но пока она слабо соображала, что не так. Собрав силы, она бросилась к выходу из кинотеатра.

Почему-то в круглой билетной будке при входе никого не было. Она выскочила на улицу. Внезапно Хулия поняла, почему кинотеатр сравнивался в рассказе с кораблём. Вокруг был не дождь, была мелкая морось, насыщавшая воздух водой, будто кто-то перемешал содержимое баночек с солью и перцем. Она свернула направо и пошла по улице, удивляясь безлюдности. Мимо проехал автомобиль, и она резко остановилась. Отойдя достаточно от воронки безумия Аугусто, она внезапно поняла все странности происходящего. Машина была семидесятих годов, не тридцатых. Почему-то она была уверена, что всё происходящее в рассказах было ровесником Санчеса. Но это было не так. Быть может, первый рассказ. Стопроцентно третий. Но не второй, где она помогала некоей Розалии. «Великий детектив, Шерлок Холмс в юбке», – она страшно разозлилась на себя. Они с Санчесом пили чай из электрического чайника. Разумеется, электрические чайники изобрели в начале века. Исключительно в Испании, такая локальная техническая революция. Она со злостью стукнула себя кулаком по бедру. Без удовольствия подумала, что теперь там будет синяк. Дважды идиотка. Розалия жила в восьмидесятых, вокруг были семидесятые.

И если подумать... «Я бы не стал доверять Санчесу», – сказал Лукас. В принципе, Лукасу она как раз не очень доверяла. А Санчесу? Доверяла только потому, что он оказался частью волшебного мира? Это и впрямь была единственная причина. Быть может, её направили в рассказ о Розалии вместо «Невидимки» ради того, чтобы она встретила с Санчесом и своими глазами увидела, что тот будет нечто скрывать даже от той, кто в идеале может его освободить? Нельзя расслабляться, напомнила она себе. Не принимай на веру ничего, тем более только по той причине, что нечто подобное уже стало литературным клише.

Она шла, не переходя на бег, но достаточно быстро. Если удалиться далеко от действующих лиц, тебя вернёт обратно. Так сказал Санчес. Но она уже ушла достаточно далеко и пока

ничего не происходило. Возможно, Санчес соврал. Возможно, эти правила не действовали на неё. А, возможно, не действовали здесь и сейчас.

Ей не нравился город вокруг. Нельзя было исключать, что это был тот самый город, который она видела в «Колодце» – похож на Мадрид, но всё же не он. Наступили сумерки, и на улицах горели фонари, витрины магазинов были освещены. Но людей не было. Магазины, несмотря на свет внутри, были закрыты. Кроме того автомобиля и самого Аугусто, она больше никого не видела. С одной стороны, ей хотелось рассмотреть город получше, с другой – постепенно ей становилось страшно. Стоило вернуться обратно к кинотеатру и подождать, пока Аугусто выйдет из кинозала. Если она не упустила этот момент. Можно попытаться поговорить с ним, а если и не получится, то в рассказе ещё упомянут священник, который уходит вниз по улице от церкви, когда Аугусто сворачивается калачиком на церковных ступенях. Видела ли она когда-нибудь кого-нибудь, кроме персонажей? Первый рассказ «Водяной» был полон народа. Которые видели её, общались с ней. Но даже если в этой локации нет второстепенной массовки, должны быть хотя бы те персонажи, которые упомянуты в рассказе. Так-то, возможно, ей и не нужны персонажи, возможно, стоит разбить витрину и вломиться в один из этих магазинов. Но страх её не был вызван чем-то конкретным, её страх был более иррациональным, чем весь этот город. Чем дальше она уходила от Аугусто, тем меньше это место напоминало нечто реальное, принадлежащее нашему миру. Здания начинали приобретать значимость, как это бывает в снах, а не в кино и тем более реальной жизни. Тени на них становились более резкими, цвет камня насыщенней и словно обладал внутренним светом, как у драгоценностей. Казалось, стоит прикоснуться к любому из домов, и ты погрузишься в новую историю, в новый сон. Ей вспомнился взгляд Лукаса. Сколько подобных мест он увидел прежде, чем они изменили его, и он перестал считать себя человеком? Как быстро изменится она сама?

Хулия развернулась и пошла обратно. Что бы то ни было, она будет держаться поближе к Аугусто. Не слишком близко, она не собирается снова попасть в воронку его безумия, но и на расстоянии достаточном, чтобы реальность не стала рассыпаться у неё на глазах.

Стоило ей повернуть, и она услышала музыку. Её мозг работал чётко и ясно. Это была прекрасная мелодия, которую кто-то наигрывал на флейте. Мелодия сна, которая обращается прямо к душе, а не к слуху. Но и было в ней нечто тревожное, неправильное. Ей вспоминались какие-то итальянские джалло, фильм «Фантазм», мелодии Майкла Олдфилда. Она не слишком увлекалась музыкой, и сама удивлялась, как много знает на самом деле мелодий. Но было и объяснение, некто знал всё про неё и обращался напрямую к ней, к тем мелодиям, которые были знакомы только для неё. Она понимала, что именно неправильно в мелодии – звук хрусталя, которого никак не добиться посредством флейты. Она понимала, что лучше не идти к источнику звука. Но она шла. Причиной было не любопытство. Флейтист находился между ней и кинотеатром и лучше встретить его, когда она готова к этой встрече, а не в случае, если Флейтист выберет иной способ позвать к себе.

Флейтист сидел, прислонившись спиной к стене. Одну ногу он согнул в колене и оперся на подошву, вторую протянул по тротуару, перегораживая проход. Почему-то он напомнил Хулии карту Таро «Повешенный», где бедняга висел вниз головой, подвешенный за одну ногу, а вторую согнув в колене. Флейтист напоминал Повешенного ещё и тем, что в нём было нечто неверное, словно он был фотографией лежащего, которую пытаются выдать за стоящего человека. У него была шляпа, как у Данди-крокодила³, которая полностью закрывала тенью его лицо, серые джинсы и чёрная кожаная куртка. Перед ним лежала ещё одна шляпа, в которую уличным музыкантам бросают деньги. Возможно, он и собрал бы кассу, если бы на улице был кто-то ещё, кроме Хулии. Она остановилась напротив него. Через ногу, перегораживаю-

³ Данди по прозвищу крокодил – герой одноимённого австралийского фильма 1986-го года.

щую проход, легко было переступить или, в крайнем случае, Флейтиста можно было обойти по проезжей части, тем более, что машин она больше не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.